Метро 2035: Преданный пес

Автор:
Дмитрий Манасыпов

Метро 2035: Преданный пес

Дмитрий Юрьевич Манасыпов

МетроВселенная «Метро 2035»МетроВселенная «Метро 2035»Пёс против зверья #2

Пёс только-только остановил надвигающуюся войну в городе у Волги. Наслаждаться плодами победы? Не тут-то было, судьба-злодейка не дает расслабиться, и вот Хаунд уже снова в пути.

Сто километров, лежащие вдоль железной дороги на Урал. Сто километров, полные схваток, злобы, ярости, боли, интриг, тайн, чужих и своих, напалма и стали, смертей и надежды… Вот что ждет его впереди! Всего сто километров, но попробуй пройди их в жестоком и беспощадном 2035-ом году.

Содержит нецензурную брань.

Дмитрий Манасыпов

Метро 2035: Преданный пес

© Глуховский Д., 2019

© Манасыпов Д., 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Пролог

(недобрый и даже смертоносный)

У кошек, говорят, девять жизней. Мол, потому и выбираются из любой задницы – подранные, полумертвые, едва ползущие, но все же живые. Идеальные хищники, а таким положено быть самыми-самыми.

Возможно, так оно и было, натюрлих. В прошлом, еще до Войны и Беды. В нее-то, в Беду, как рассказывали выжившие, те кошки подошли к концу очень быстро. Прямо как какой-то там зимний салат в новогодние праздники. Были – оп, и кончились, всех съели, ням-ням.

Собаки ему нравились больше – те редкие особи, оставшиеся друзьями человека. Таких, само собой, было куда меньше, чем других. Странных и страшных чудовищ, лысых и полусгнивших, или наоборот, заросших шубой, которая куда больше подходила медведям. Общего у таких случалось немного и было оно завязано на агрессии, нередком каннибализме и рассматривании двуногих исключительно как добычи.

Псы и суки, равно как их потомство, жившее среди людей, порой так и просились в компаньоны. Та редкостная срань, творившаяся вокруг, полностью вернула им былые задачи – охоту да охрану, без которых не выжить. Всякие там любимцы, выставочные образцы редкостной красоты с экстерьером, декоративные породы и остальная шелупонь, померли давным-давно, став шашлыком и отбивными. Жестокое время порождало жестокие решения, и овчарки, кавказцы и лайки подскочили в цене почти как лекарства. Он бы прикупил парочку идеальных сторожей вроде черных терьеров, разведенных неподалеку от дома, но собаки-то его не любили. Странно, конечно, но…

Кошки не любили его не меньше, но как-то было все равно. Хотя, совсем с недавних времен, нелюбовь эта стала взаимной. Особенно к одному Коту, редкостной падле и сволочи, торчавшему ему свою единственную доступную жизнь. За что? За все хорошее, ясное дело.

Вообще, натюрлих, думать о таком сейчас – глупо. Совершенно дебильные мысли, не к месту и не ко времени. Но больше никак, и ничего не остается, когда слышишь шипение, прерываемое вполне себе басовитым рыком, а у тебя на хищника весом под двести кило есть только один работающий глаз, одна нормально работающая рука и нелепая заточенная железка на кривоватом черенке. Вот так и получается, что это шипение, может, последнее из услышанного.

А как еще, когда кошка рыже-серая, в черную полоску, и до Войны ее бабка называлась тигрицей?

Глава первая. Недобрые звуки и запахи

Смелость и дурость – не одно и то же

Песни Койота

Бункер полыхал нестерпимо жарким пламенем, рвущимся наружу там, где и не заподозришь. Бункер горел и в груди пекло, отзываясь болью. Не такой, как в правой руке, но лучше с того не становилось. Почему-то, йа.

– Надежно стреножили?

Черный силуэт, угловатый от защитной экипировки и торчащих подсумков, кивнул на Хаунда. Тот в ответ не бросил даже взгляда. Скрипел зубами, закусив бороду и глядя на пламя, пляшущее джигу.

– Не убежит, – хмыкнул кто-то из взявших его из засады, – хомуты из пластика, по десятку на руки с ногами. Правая, кстати, наверно, сломана. Он ей еще и приложился о что-то.

– Почему наверно?

В бок Хаунда ткнули ботинком. Под ребра, но он даже не дернулся, лишь чуть скривился.

– Федоровича угандошил. Кулаком. Но ствол выронил, пальцы не сжимаются.

– Хорошо.

Хаунд, жуя свою жесткую бороду, косился на главного. Не Савва, хоть что-то хорошее. Было бы обидно, если бы он все же сейчас оказался тут. У горящего дома Хаунда… Гнида.

– Пришел в себя, урод?

А вот это, натюрлих, уже лично ему. Незнакомый голос, Хаунд такого не помнил.

– Я-то, может, урод, но не дебил. В отличие от тебя.

– Что???

Хаунд кивнул на пятерку бойцов в черном, стоящих по периметру горящего бункера, и оскалился. Командир штурмовой группы успел только повернуться туда. И все.

Жахнуло. Асфальт, остатки перекрытия над входом в ангар, сраную икебану из кусков желавших убить Хаунда раньше и, само собой, пятерку бойцов расщепило на атомы, раскидав к чертям собачьим. Хаунд получил под ребра еще раз и заклекотал безумно-больным хохотом.

– Сука-а-а… – протянул командир, вставая. – Чертова лохматая падла. Я тебя сейчас сам в шашлык превращу.

– Хер тебе в рыло, сраный урод. – Хаунд постарался харкнуть и не попасть в собственную бороду. – Тогда б не пеленали, пристрелили и все.

– Что там было?!

– Танковые снаряды.

– Чо?

– Через плечо, да в ухо. Иди в жопу.

Дульник уперся ему в затылок. Неприятное ощущение, что и говорить.

– Давай, стреляй. Сам потом займешься той хренью, из-за которой я живой.

– Падла.

Да еще какая… Хаунд снова оскалился. Пятерых за него забрал сам бункер, отлично, счет даже сейчас в его пользу. Дальше? Поживет – увидит.

– Все отошли? – Командир пересчитал людей. – От парней точно ничего не осталось? Сволочь… Грузите его, уходим. Нечего время терять.

Голову задрали за пучок тугих косичек, нацепили черный мешок. Конспираторы хреновы, йа. Удаляющаяся вонь горящего дома. Ауфвидерезеен, дорогой, спасибо тебе.

Запах четырех солдат, несущих его куда-то. Порох, кровь, горючка, сталь, недавно съеденное мясо, вчерашний самогон, смешанный с потом, едкий и почти неуловимый запах «винта» – наркосинтетика, недавно начавшего расползаться в оживающем городе; грибок на ногах у двоих, недавняя баба, тоже у двоих, причем одна и та же, свежеподхваченный ими же триппер, вскроющийся завтра утром или сегодня ночью с первым зассывом, чистое белье у переднего правого, со склада длительного хранения, махорка в кармане у заднего левого, начавшийся рак у любителя чистого белья.

Хаунд трясся, подкидываемый на неровностях полувекового асфальта, и тренировался. Скоро точно понадобится. В чем тренировался? В одородедукции, тёйфельшайссе. То есть в умении раскладывать запахи на составляющие и делать верные выводы из всего этого дерьма. Не видя ничего.

Две бронированные халабуды на дизеле. Текущее масло у дальнего. Двенадцать и семь, две штуки, в корме броневиков. Это что? А, начинка МДЗ, мгновенного действия зажигательных, значит, тут еще башни от старых БТР, с торчащими из них КПВТ калибра четырнадцать с половиной. Да, смазка поворотного механизма, ее ни с чем не спутаешь. Просиженные лавки, недавно покрытые новым брезентом, сшитым нитками из шерсти, провощенной какой-то химической дрянью. Спрятанная под сиденье мехвода фляга с самогоном. Страх в разом вспотевшем самом мехводе. Натурально, вакса, в большой жестяной банке, убранная в дальний угол вместе с промасленными тряпками. Древняя каша, гречневая, с кусками настоящего тушеного мяса, почти не испортившаяся. Остывающая портативная плитка, где еду подогревали. Остаток выветрившихся спиртовых таблеток. Скрываемый уретрит у наводчика, выдаваемый остатками антибиотиков, оседающих в почках и каплях мочи даже на штанах. Стальная коробка, провонявшая портянками, носками, куревом, кровью и даже кем-то обосравшимся и сдохшим тут же на прошлой неделе.

Хаунд чуть не взвыл, когда его бросили ровно к тому борту, где семь-восемь дней назад опростался кто-то умирающий. Хреново порой иметь хорошее обоняние, натюрлих.

– Все?

– Так точно.

– Едем. Семенов!

– Я, товар…

– Рот прикрой. Пил?

– Никак нет.

– Два наряда в казарменных сортирах.

– Есть.

Надо же, Хаунд ухмыльнулся под тканью, у них тут субординация и Устав.

Трипперно-грибковый поставил ногу на его спину. Ничего, потом эту самую часть опорно-двигательного аппарата он ему выдерет. Разом, прямо из района тазобедренного сустава, или по кускам, начиная с щиколотки, потом колено, ну и так далее.

Двигатель у них работал лучше всего остального, даже завелся, мягко мурлыкая. Нормальный такой камазовский движок, если помнит правильно. Надо же, где пригодились уроки Кулибина.

– А почему вообще загорелось?

Стрелок из башни? Точно, он самый. Жрет галеты и думает, что не слышно.

– Рот прикрой, Авдонин. Потому что они больные на голову, решили сдохнуть, а не сдаться.

Хаунд хмыкнул. Больные на голову? Ну-ну.

– Чего он там дергается? Успокойте!

Удар прикладом. Темнота.

Тепло давно обжитого огромного помещения. Паровое отопление, нагретые стальные трубы, недавно крашеные старой эмалью. Много людей, так много, что кто другой запутался бы. Но не он, только не он. Катят на каталке, недавно отремонтированной с левой стороны. Там колесики идут плавно, резина совсем целая. Никогда не думал, что вот так окажется все же на Прогрессе. Оказался.

Коридор штукатурили несколько месяцев назад. Перед этим травили грызунов… больших грызунов. И даже выжигали смесью под давлением. Это интересно, про огнеметы у Прогресса он ни разу не слышал.

Часовой. Немолодой, недавно начал курить, много. Вооружен чем-то коротким и удобным, надо запомнить. Заряд пороха как раз для девяти миллиметров, не давать же часовому просто макарыч? Почему так? Он охраняет что-то важное, а

что немолодой, так это не беда. И что тут?

Архив? Не иначе, сразу в двух кабинетах, что-то важное, много-много бумаги, двери стальные, недавно смазывали петли с замками и красили сами толстые пластины. И сразу двое часовых, надо же. Тут стоят молодые, здоровые, и пахнут как младенцы, чисто и сладко. Хотя… от одного несет остатками, вчерашними, того же «винта». Вот так дела творятся у фейсов.

Приехали? Похоже. Пьют что-то вроде чая, намешав с чабрецом, душицей и мятой. Курят, двое из троих. Третий знакомый, хоть в глаза посмотрит. И кто тут у нас еще неподалеку? Вот же скоты…

– К креслу пристегните.

– Привет, Савва.

– Здравствуй, Хаунд.

– Невежливо желать мне здравия, чуть не укокошив и спалив на хрен дом, не находишь?

– В смысле?

– Они подорвали бункер изнутри.

– Вы идиот?

– Я…

– Головка от неуправляемого ракетного снаряда!

О, кто-то новенький. Савва, вступай, рассказывай, как ты просил все бережно организовать.

– Как это получилось?

– Он убил одного моего человека. Хотя не должен был, мы подорвали машину аккуратно. А с бункером…

– Вы лажанули.

– Да пусть себе идет, Савва. – Хаунд, устраиваясь как можно удобнее, не дергался. Рука работать не хотела. – Чего ты шестерку свою распекаешь? Давай к делу.

С него сняли мешок. В отместку за возможность что-то видеть включили, как и заведено, прожектор, стоявший на столе. Аж волоски в ноздрях чуть не затлели от жаркого обжигающего света. Никакой экономии на Прогрессе, если даже пользуются лампами накаливания.

Все стандартно. Большой кабинет, свет только от лампы на столе, и большой стол. Стены казенно-зеленые на половину комнаты, другая половина – дешевенькая плитка, такая удобная, когда надо отмыть от крови.

Не чайник, большой термос, тарелка с аккуратно открытыми банками, галетами и сахаром в отдельной плошке. Комфорт и удобство, одним словом, йа.

– Свет выключи, Савва. – Хаунд прикрыл глаза. – Не дети, хватит. Условия принимаю.

– А я вам говорил… – Савва не щелкнул выключателем, развернул лампу и все. – Не нужно было так.

– Помолчите, майор. – Неприглядный, весь какой-то серый, сидящий в центре, дернул ртом. – Надо, не надо договариваться. С ним договоришься по-хорошему, потом расхлебывать устанешь. Хаунд!

– Что?

– Где ваши знаменитые словечки на немецком? Я удивлен.

Хаунд, попробовав разорвать наручник, державший левую руку, сплюнул. И таки попал на бороду, глотка пересохла полностью.

– Поспорил с больным на голову Кулибиным. Забились на три бутылки коньяка, что я месяц выдержу без них, а он месяц не будет материться.

– И никто не выиграл?

Хаунд присмотрелся к третьему. К третьей. Что-то с ним явно не то, а что, сразу не понял.

– Получается, что выиграл я. Теперь же не проверишь, как там Кулибин, верно?

– Хаунд, все должно было пойти не так.

Хаунд усмехнулся, глядя на красного Савву. Совесть, что ли, йа? Хорошо хоть думать он может как хочет, если уж разговаривать не может, натюрлих. Еще неделю осталось вроде бы. В смысле терпеть.

– Тебе уже командир вон все сказал, Саввушка, так что не кукарекай теперь. Я согласен, выкладывайте все быстрее и вызовите мне коновала. Рука не работает, без нее мне придется сложнее. И мое оружие верните, без него тем более мало что получится.

– Ты о чем?

Этот серо-невыразительный. Хм… Хаунд в чем-то ошибся, оценивая произошедшее, рихтиг?

– Переговоры можно было провести и не так жестко. Договорились бы.

– Договорились? – Серо-невыразительный кивнул. – Только ты бы начал играть на себя в любом случае. Анализ твоих действий за последние два с половиной года говорит только о таком возможном развитии событий. Ты можешь оказаться в состоянии подчиненного и исполнителя, только заведомо зная о возможной серьезной потере.

– Анализ? – Хаунд оскалился. – Не проще было просто поговорить?

– Не проще. – Женщина сидела в тени, не очень молодая, но и далеко не старая. – Психика очень адаптивная, решения, чаще всего, нешаблонны, предсказать твое поведение в обычной ситуации невозможно. Учитывая высокий уровень эгоцентризма, сотрудничество с тобой возможно только при нажатии на больные точки. Их у тебя три. Дом, калека и женщина. Повышенный уровень сентиментального отношения к ним, скорее всего, вызван побочным эффектом твоей мутации, отвечающим за проявления человеческой природы. Она же в тебе имеется, как бы ты, Хаунд, не желал выглядеть в глазах всего сообщества города исключительно зверем.

– Хорошо, – согласился Хаунд. – Но если я такой весь непредсказуемый, что помешает плюнуть на единственную оставшуюся у вас зацепку, сейчас спрятанную где-то неподалеку, и заняться пестованием собственного эгоцентризма, выздоровлением организма и последующей местью?

– Прекрасный вопрос. – Женщина явно улыбнулась. – И предсказуемый. Все просто, Пёс, ты куда больше человек, чем животное, если повторяться. Мелкие поступки, забота о тех, кто тебе симпатичен, какая-то неявная тяга к справедливости – от них тебе не уйти. А звериная часть натуры, из-за которой ты выбрал себе самку, заставит тебя еще больше стремиться к ее освобождению. Преданность и моногамия – идеальный рецепт для шантажа такого преданного Пса.

– Ты же знаешь, что я потом приду за каждым из вас, и все равно считаешь, что буду верить в хороший исход? – Хаунд продолжал скалиться. – Я вернусь за Девил и получу пулю в лоб от снайпера, засевшего где-то неподалеку. Очередной превентивный ход, верно?

– Всему есть цена. – Серо-незаметный пожал плечами. – Не мы уничтожили твой бункер и всех, кто там был. Почему твой калека решил стать камикадзе, вопрос не ко мне, Савве или кому-то еще. Но мы понимаем глубину нанесенного ущерба. За это Прогресс заплатит отдельно, после выполнения задания.

– Ясно. – Хаунд прислушался к руке, начавшей не просто болеть, а дергать изнутри острыми вспышками. – Покажите Девил. И расскажите про свое херово задание.

– Смотрите-ка, какой молодец. – Серо-невыразительный усмехнулся. – Девил ему покажи… Скажи нам, Хаунд, почему она вообще Девил? Откуда здесь, в нормальном русском городе, могло взяться такое… погоняло?

– Анализ не проводили?

– Нет.

– Их старики, первые рейдеры, были простыми чудаками, любившими старые фильмы про постапок. Собирались вместе, делали себе костюмы, бухали в них и пафосно фотографировались. А потом всему пришел звездец. – Хаунд покосился на руку. – Сперва они выжили, потом мутировали, чуть позже начали делать настоящие доспехи с оружием, а там и превратились сами в себя. Это культ, понимаете?

– Нет.

– Вот я тоже не понимаю, но ничего, привык. Какое задание и где моя Девил?

– Покажите ее.

Хаунд проследил взглядом за вставшим Саввой. Он знал с самого начала – Девил где-то здесь, но все же надеялся ошибиться. Не вышло.

Стена отъехала в сторону, оказавшись фальшивой. Девил сидела там за почти незаметным стеклом. Прочное, сразу видно, не прострелишь. Савва закатил панель назад.

– Нам было бы еще удобнее сделать с тобой одну простую вещь, – поделилась женщина, – ввести отравляющее вещество с активацией через неделю. Пунктов переливания и чистки крови в округе ты бы не нашел, жизнь ценишь даже больше остального, но… Но ты мутант, дружок, и свойства твоего организма нам так и непонятны. Имевшиеся образцы крови и остального биоматериала разгадку не дали. Вдруг ты не помрешь после такого, зачем нам рисковать?

– Гуманисты херовы, – поделился в ответ соображениями Хаунд, – ты вот, например, прямо сраная мать Тереза.

– Гуманизму свое время, и оно точно не сейчас. – Женщина заметно пожала плечами в своей полутьме. – На дворе настоящая Кали-Юга, а вместо людей повсеместно больные выродки и ублюдки, желающие урвать кусок жирнее и место теплее. Прямо один в один как ты.

– Вы, надо полагать, боретесь за человечество?

– Мы боремся за человечество, – подтвердил серо-неприметный, – потому как являемся его частью – здравой, сохранившей знания, умения и желание вернуть себе землю. Если не мы начнем реконкисту, то кто? Мы Прогресс, нас обязывает наше имя.

– А я, так понимаю, регресс?

– Ты абсцесс, – хмыкнула женщина, – либо новообразование, вроде опухоли. То ли злокачественной, то ли наоборот. Мы не отказываем тебе в праве на существование, а предлагаем вариант, интересный обеим сторонам.

– Вы бы, парламентеры, позвали мне врача. Отстегнули бы от кресла, дали умыться, переодеться и вашего, сука, чаю с плюшками или чего у вас там. Вести деловые переговоры в таком ключе неконструктивно.

– Какие интеллектуальные познания, – женщина вздохнула, – даже не верится. Слышала и читала о тебе доклады, но удивлена.

– Ну пиздец теперь. – Хаунд, прислушиваясь к собственным ощущениям, начал по-настоящему злиться. – Мне осталось минут десять без ветеринара, ведь, думаю, врача вы мне не позовете. Что за задание, быстрее.

– Завод по переработке нефтепродуктов. Инновационное малоразмерное и мобильное предприятие, выдающее в сутки топливо для целого танкового взвода. То есть для трех машин. Естественно, изобретение изначально было военным, потому секретность оказалась максимальной. Для испытаний в полевых условиях его перевозили под видом модульной экспериментальной котельной с помощью автомобиля-тягача.

– И где сейчас это чудо техники?

– Ориентировочно в городе Отрадном, – серо-невзрачный отхлебнул чай, – вероятнее всего, в день нанесения ракетного удара был оставлен на проверку комплектации либо на местном газоперерабатывающем заводе Роснефти, либо отогнан в одно из дочерних предприятий, их не так много.

– Почему нужен именно я?

– Отправлять военную экспедицию на территорию, практически полностью контролируемую анклавом Кинель, довольно непредусмотрительно. Лишние глаза – лишний повод раннего столкновения.

– Не любят вас железнодорожники? – Хаунд поморщился, чувствуя, как огонь внутри начинает заливать шею, добираясь от руки через нее к голове.

– Они нас пока просто не понимают и не желают принимать. Но сделают это… в любом случае.

– В Кинеле мне придется учинить бойню. Они не любят мутантов. Развязка у Алексеевки контролируется Братьями Ветра, а они снова в контрах с Воронами и дружат с Кинелем. Из-за, вот ведь, как раз топлива.

– Все верно, – серо-незаметный кивнул, – потому ты будешь отправлен в транспортном контейнере на станцию Смышляевка, где на территории ярмарки, проводимой под контролем анклава Красный Коммунар, незаметно проскользнешь дальше. Транспортное средство тебе подготовят в поселке Советы, вводные получишь перед отправкой. Кинель обойдешь стороной.

– Я должен найти, проверить и замаскировать заводец еще больше, чем сейчас, после чего вернуться с каким-то предметом, подтверждающим находку, не иначе?

– Именно.

– Хорошо. – Хаунд кивнул. – А вот теперь зовите коновала.

Савва подошел к нему, потрогал пульс и растерянно повернулся к коллегам.

– Без сознания, судя по все… А-а-а!!!

Хаунд, выплюнув две первые фаланги указательного и большого пальцев Саввы, растянул губы в довольной ухмылке, блеснув красными разводами на зубах. И потом без притворства наконец-то унесся в бархатно-черную мглу беспамятства.

Дорога ярости 1

Нефть – кровь войны. Даже если война крохотная, а топливо найти почти невозможно. Сейчас с этим стало проще, сейчас эта сука снова вернулась. Пусть и совершенно маленькая. Главное же в войне что? Правильно, результат.

Зуб выкрутил руль «ласточки», вписываясь в поворот на Москву. Слева, серый и вечный, расправлял крылья Самолет. Справа виднелись уцелевшие раскрошившиеся зубы многоэтажек и чудом оставшаяся буква М на холмике из смеси грязи, земли, листьев и веток с травой, который вырос на месте макдачной.

Топлива у него в баках было под завязку, и в большом основном, и во втором, для форсажа, если доберется до М-5. Его война только началась, и Зуб очень хотел ее выиграть. Лишь бы не подвела «ласточка» и он сам. А все остальное, как говорил Кулибин, дело наживное. Врагов совершенно неожиданно он себе нажил там, где и не ожидал. Или думать вовремя не хотел по собственной дурости.

Старая карбюраторная девятка, скрежетнув усиленным днищем по развороченному асфальту, заскрипела, входя в поворот. Сзади дробно грохнуло, рассыпая стальной горох выстрелов. Звонко простучало по бронепластине, закрывающей тыл машины, зазвенев, казалось, прямо внутри головы.

Ларек «Союзпечати», светлеющий остатками белого пластика под густой плетенкой вьюнка, взорвался во все стороны хлипко-дряхлыми стенками. Гантрак-«Волк», рычащий почти немецким двигателем «опеля-фронтера», спрятанным за наваренными листами, кенгурятником и небольшим отбойником, разнес его в клочья, стремясь дотянуться до юркой машины Зуба. Стрелок, мотающийся за щитками, врезанными в крышу, закрутил ручку самодельной картечницы-мясорубки. Свинцовые конусы, отливаемые рейдерами,

застрекотали, тычась в борта «ласточки». Вминали пластины щитов, выгрызая в них прорехи, и гулко плющились о кузов, не долетев до водителя.

Зуб, справившись с заносом, перекинул передачу, утопил газ до упора, заставив движок взвыть на максималке, выбросив черный клуб несгоревших топлива с маслом. Машина, переделанное Кулибиным «зубило», прытко взялась, цепко хватая недавно найденными толстыми покрышками Москву и Московское шоссе, стрелой уходящее за город на Управу, Красную Глинку и Красный Яр.

«Волк», подпрыгивая через развалившиеся бордюры и тележки супермаркета, умершего вместе с торговым центром слева, рванул следом. Его брат, длинный и широкий «Грейт-Уолл», украшенный отбойником, снятым с дорожного грейдера и наваренным на новую раму, скрежетал защитой на повороте, украшенном черными кривыми следами после Зуба.

«Ласточка», раскидывая листья, ветки, проржавевшие остатки байков, вечно живой пластик и почти рассыпавшиеся человечьи останки, неслась вперед. На прямой Зуб надеялся выиграть время, скинуть с хвоста Воронов и не попасть под точные выстрелы с «медведя», ревущего по пятам меньших собратьев.

За ним шел самый настоящий «фред», тягач «Фрейтлайнер» годов девяностых, найденный рейдерами на древней штрафстоянке. Машина без электроники, простая и надежная, как кувалда. Еще круче она стала после установленной платформы с безоткатками, переносимыми стрелками с борта на борт. Реактивные гранатометы, удерживаемые паучьими станками, сделанные мастерами завода «Металлург», плевались снарядами, начиненными самопальной взрывчаткой куда как хорошо. Здесь, на ровном отрезке от улицы Димитрова, становящейся все ближе, и до Ташкентской, где гордо торчала уцелевшая угловатая башня высотки, «ласточка» и сам Зуб стали лакомой мишенью.

Бензонасос хлебал горючку как заведенный. Движок ровно гудел, набирая обороты. Зуб включил последнюю передачу, косясь в крохотное боковое зеркало, и стиснул зубы. «Медведь» уже развернулся бортом, выставив наружу три толстых ствола и суетящихся рейдеров. «Волки», не желая попасть под снаряды, сбросили скорость и жались к заросшим тротуарам.

«Ласточка», чуть всплакнув металлом, сотворила петлю, тут же выравнявшись влево, и снова закладывая кривую. Зуб, сам того не понимая, кричал без остановки, чувствуя смерть, горячую и рыщущую провалами стволов за спиной.

Рокот выстрела пришел одновременно с раскрывшимся рыже-черным цветком сбоку. «Скорая», двадцать два года простоявшая на обочине, вросшая в землю и почти незаметная за густым плющом, разлетелась в стороны, мигом занявшись сухостоем, пролезшим и внутрь.

Зуб совершил еще один вираж, добравшись до рейсового автобуса и очень желая спрятаться за ним. Сейчас будут бить в два ствола, пока перезаряжают третий граник. Это он понимал хорошо, помня о постоянных учениях, проводимых Девил. Знать бы, что такое случится, он бы ей… э-э-х!

Вторая граната прошила тонкий корпус турецкого «неоплана», клюнула насупившуюся морду пожарного Зила, разорвалась осколками и огненным шаром. Пламя мазнуло нос «ласточки», опало, Зуб крутнул вправо, всем собой, даже жопой, понимая, куда влепится третий выстрел. И угадал, пролетев перекресток с Димитрова, любуясь распустившейся красной астрой разрыва в бывшем свадебном лимузине.

– Да-а-а-а-а! Да-а-а, сука! – Зуб орал, не закончив петлять, но почти уйдя с дальности прямой наводки. – Хер вам, да-а…

Ташкентская стала ближе. И вместе с ней трамвайные пути. Куда, покачиваясь, выкатывался, попыхивая паром, стальной монстр старой чешской «шкоды». С поднятыми орудийными люками-портами и безоткатками в них, уставившимися на Зуба и его «ласточку».

Глава вторая. Двойное предательство и хреновое будущее

Играя в покер – не считай шулером только себя.

И будь готов чем-то жертвовать

Песни Койота

Людям, создавшим современные железные дороги, нужно, как жизнь придет в себя, отлить памятник, не иначе. Из, мать его, золота, настоящего и не шибко фальшивого, йа. Как еще, если мир сгорел почти в труху, землю перепахало бороздами атомной бороны, а вот она, простая железка, выдержала и восстала из пепла мира, захлебнувшегося собственной кровавой блевотиной? Натюрлих, именно так и стоит поступить, сделать золотого истукана, даже если придется выдрать все коронки из аурума, оставшиеся у выживших. На хрена такое зверство, если ювелирные ограблены не полностью? Да так веселее, и все тут.

Хаунд, запертый в огромном ящике, дремал. Не пускал слюни в капюшон выданной от щедроты армейской куртки, а именно дремал. Как и полагается большому опасному хищнику, альфе, мать его, и доминирующему самцу. Отдыхал, набирался сил и слушал мир вокруг и себя в нем. И пока ему нравилась только чертова железка, шайссе. Почти не трясло.

На платформу, забранную по краям металлическими пластинами, с боевыми постами на носу с кормой, его доставили в огромном ящике, вместе с еще десятком таких же. На каждом из них стояла маркировка «Стекло», а внутри скрывались именно листы стекла, производимые в одном из цехов огромного завода. Человеческая мысль штука великая, создать солнечные батареи оказалось сложно, но зато прибыльно. И где делать такие, если не на космическом производстве, йа?

Его разместили с краю, рядом с откидывающимся бортом, закрыв небольшой вырезанный глазок. Да и ладно, Хаунду все было ясно без глаз.

Состав сцепили из трех платформ небольшого локомотива с территории соседнего авиационного завода, восстановив старика и превратив в броневик на мазутном ходу. Коммерция коммерцией, деловые отношения и бла-бла-бла, но доверять Прогресс любил только своей силе. Судя по доносящимся запахам, сила в основном состояла из тех самых боевых постов, стандартно вооруженных ухоженным ПК, граником и чем-то еще – скорее всего, теми самыми огнеметами. Из чего делалась смесь, вот что было интересно. С топливом в последнее время вроде бы стало лучше, но напрягов, как ни странно, не убавилось.

– Семеныч, что везем?

– Кому Семеныч, кому товарищ капитан.

– Э-э-э… товарищ капитан, что везем?

– А это не твое дело, Маслов, ты охраняй, головой по сторонам крути и прочее, положенное тебе по должности. Усек, Васек?

– Да.

– Хер на, а ты должен ответить – так точно.

О, это ж та самая падла, напавшая на бункер. Семеныч, значит, гут, запомнил. А чего он тут потерял, интересно? Хаунд, втягивая воздух и слушая все звуки вокруг, пытался понять – что не так? Что?!

Задача у него сложная, не отнять, но справится, есть ради чего. Доберется, найдет, вернется, сдаст ублюдкам съемный пульт управления первого модуля хренова завода. Если все пойдет по плану. А вот что-то, то ли звериное чутье, то ли интуиция, то ли задница, подсказывала сейчас обратное, йа. И осталось только понять, как выбраться из крепко заколоченного ящика, потому как…

Что за запах? Странно-химический и режущий нос, а?

Пес успел понять, но не успел ничего сделать. Бороться с ядреным транквилизатором, сделанным на Клинической и пользуемым им самим несколько раз, не вышло. Духовушка, влезшая в прорезанную дырку, коротко плюнула дротиком. Хаунд успел ударить ногой, пытаясь выбить нижнюю стенку, ударил еще раз. Но только получил дротик с другой стороны, потом третий, уже угасая и проваливаясь в мерцающую темноту наркосна.

Аллес, фрейнд, приплыли. Песец котенку, срать не будет. А начиналось вроде все хорошо.

– Хорошо стреножили?

Когда слышишь такое, не нравится все и сразу. От тона говорящего и до заложенного смысла. Не говоря о недавних воспоминаниях. Хаунд, рыкнув, попытался дернуться.

Не вышло. Руки-ноги намертво закрепили к чему-то, смахивающему на носилки, а на голову тупо нацепили мешок. Вонючий и, в лучшем случае, из-под гнилой картошки. Рот замотан, даже типа кляп внутри, хорошо хоть не такой блевотворный, как штуковина на башке.

– Да. Не порвет.

– Что с рукой у него, выяснил?

– Когда брали, то ранили. Врач что-то делал, заживет, думаю. Он же мутант, им это как два пальца об асфальт.

Да ну, рихтиг? Жутко хочется показать, что ему как два пальца об асфальт. К примеру – вспороть пару трахей у каких-то неведомых ублюдков.

– Смотри, чет он дергается!

– Очнулся. Снимай мешок.

Глаза Хаунд напряг сразу, как услышал последнее. Глаза штука важная, их беречь нужно. А уж как там рассеивается солнечная радиация через убитый озоновый слой и рассеивается ли вообще, само собой, ему неизвестно. Потому он так любил маски с темными стеклами, берег каждую и всегда старался держать про запас парочку.

А как еще, если зенки такие?

Какие?

Первое – хорошие, мутировавшие глазенапы, выдающие его природу сразу, даже если всю башку замотать. Попался ему как-то врач-окулист, не из тех, что на Клинической станции Самары жили-поживали, оказавшись там в Войну из медуниверситета и его больницы. Не, шиш, лекарь попался интересный,

попалась, вернее. Работала тетя всю свою сознательную жизнь в больнице имени Ерошевского, одной из лучших на всю страну из занимавшихся зрением. И вцепилась в него, случайно столкнувшись на Гагаринской, как репей в собачий хвост, натурально, йа.

Вот тут-то пряталось второе интересное про глаза и не самое лучшее, если вдуматься. Зрачок у Хаунда оказался схож с лисьим, вертикально-овальный и меняющий форму, приспосабливаясь к освещению. Мудреное слово «тапетум», какой-то специальный слой, идущий в глубине глаза, позволял видеть даже при слабом освещении. И вот все эти особенности, с одной стороны, роскошно порадовали саму докторицу с Хаундом, а с другой… А с другой Пес огорчился. Потому как дорожить и беречь такое сокровище ему рекомендовали очень серьезно.

А тут прямо никакого уважения, из потемок да на белый свет. Скоты, одно слово.

– Кабздец, красавчик.

– Хрена се образина.

Нависли сверху, уставившись и сопя. Вот и маска нашлась, трофеем на чужой башке, бритой под ноль. Ладно бы лицо еще было нормальным, раз уж считает его то ли образиной, то ли красавчиком в степени минус пять. А так – дебил дебилом, хрюкальник, совершенно не помеченный печатью интеллекта, только оспинами да следами прыщей.

Хаунд рыкнул через свой намордник, совершенно не желая молчать перед упырями.

– Дергается, ишь чево. Спокойно лежи, рожа.

Дебил молчал, скалился и считал себя хозяином, свинота – натурально розовощекий порось с брылями отвисших щек. Еще и щетина сивая, ну вылитый кастрированный хряк, йа.

Спокойно, значит?

– Не угомонишься, падла, я тебе руку вообще в фарш превращу, понял?

Хаунд зыркнул напоследок и затих. Руку снова дергало изнутри укусами раскрошившихся гнилых клыков. А она ему точно пригодится в ближайшее время.

– Умничка, разрешу в сортир сходить, как доберемся. Грузите, чо встали?!

Опять носилки, что ли? Да что ж такое, йа! Тягают его взад-вперед два дня подряд, конца и краю нет. Подошли какие-то четверо, опасливо косились, но взялись за ручки, подняли, перенесли. Справа попахивало лошадью, туда они и направились. Он покосился, разглядывая серое-зеленое вокруг: желтые пучки умирающего осеннего камыша, перекошенные старые заборы и проваленные крыши. И все это на огромном холме, уходящем вверх и в сторону. А раз так, то оказался Хаунд не иначе как у Алексеевской горы и ее огромных дач, больше в этих чигирях такого не водится.

И его, упаковав по рукам-ногам, куда-то везли. Железки видно не было, но она рядом, нюх не подводил. Маслом и топливом несло из-за лошади. И картина вырисовывалась плохая.

Товарищ капитан как-то-его-там, наплевав на приказ, продал Хаунда как скотину. Продал то ли из-за меркантильности, то ли из-за странного чувства мести за вчерашнее. То ли… Нет, если бы это был просто саботаж, зачем нужны были бы транквилизатор и остальное? Шлепнуть, даже не тратя девять граммов свинца, свайкой через дырку, и все. Выкинул куда подальше и докладывай, мол, операция прошла успешно. Странно.

Но, в любом случае, все дерьмово, йа. Отвезут-то его один черт в Кинель, чтобы продать подальше, чтобы предательство интересов Прогресса не всплыло. И еще навариться… а еще от нескольких служивых – не тех фейсов, что думают головой, а которые работают руками-ногами, несло сраным синтетиком. Интересно, рихтиг. В долги влезли военные, подсели на дурь, а теперь отрабатывают?

Хаунда подкинуло и бросило вниз. Телега, шарабан из досок, явно металлической рамы и тракторных колес, даже не хрустнула и не просела. Добротная хреновина, ничего не скажешь.

– Погнали, – буркнул свинорылый, и тарантас тронулся.

Ехали, как водится, не долго и не коротко, а ровно столько, сколько нужно. И остановились. Хаунд, пытаясь понять, чем связали, старался не дергаться. Судя по нескольким онемевшим местам, в ход пошли самые обычные бытовые хомуты. Из пластика. Этого говна перед Войной наштамповали и понараспихивали по всяким «Стройматериалам» столько, что до сих пор хватало. Совсем хреново, это не порвешь.

– Что ждем? – поинтересовался херкин, сидевший с вожжами.

– С моря погоды, еб. – Свинорылый чего-то нервничал. Заметно потея, как самый настоящий боров, аж до явной вони. И помыться ему бы точно не мешало.

– Ты Фоме заплатил? – поинтересовался рябой.

– Рот закрой, – буркнул свинорылый, – все сделал. На этого накинь брезент. А лучше обмотайте прочнее, чтобы не отсвечивал.

Ответ на загадку пришел быстро. Одновременно с запахом двигающегося состава со стороны Смышляевки, откуда Хаунд должен был выбираться ножками. Эта гремучая смесь пришла даже раньше хорошо уловимого позванивания рельсов и о многом рассказала.

Продали его в обход всех правил и не поставив в известность резидента Прогресса. Сейчас прятали, старательно заматывая в большой кусок старого тента, чтобы не светился перед лишними глазами. Ну загрузили чего-то за отдельную плату на запланированной остановке в состав железнодорожников. Обычная контрабанда.

Вполне ясно, рихтиг, как дальше будет развиваться вся эта хренотень. Резидент на то и резидент, чтобы лишний раз не светиться в самом городе. Контрольная встреча, скорее всего, будет через неделю, если Хаунд не появится. Базар-то не часто случается, пару раз в неделю, и этот был крайним. А если сделать так, чтобы он не случился на следующей, то вообще хорошо. Четырнадцать дней, знаете ли, штука полезная. Что только нельзя провернуть за это время. Особенно когда война на носу и враг врага хочет опередить. Капитан Прогресса

уже продался с потрохами кому-то. Идиот, что сказать.

Выжить в Войну, дотянуть через Беду, стать кем-то серьезным и подсесть на химическую бурду, превращавшую мозги в кисель… глупее не придумаешь. А еще, судя по всему, там победила жадность, а не трезвомыслие. Хаунд, согласно задумке, точно не должен вернуться. В Кинеле с мутантом разговаривать не станут, а просто так он там фейсов-агентов не найдет. Пока дойдет до Саввы и его командиров новость о проданном на рынке крепости волосатом чудовище, чего только не случится. А может и не дойти, на то и расчет был. Опасался сволочь-капитан только кого-то одному ему известного с состава, кого-то, работающего на того же Савву.

Потому его сейчас и пеленают плотнее, чтобы убрать в сторону всякие случайности. Вывод? Очень простой.

Покупатель должен оказаться со стороны Отрадного или Похвистнева, не иначе. В самом Кинеле, как слышал, если купят, то отправят на выработки нефти почти в ту же сторону. Но там железо и надсмотрщики, выбираться придется дольше. Красный Яр и Глинка – неплохо, но с пустыми руками возвращаться сейчас никак, а оттуда до Отрадного добираться хреново. Там М-5, выщербины трассы на Екат с Уфой, там рейдеры, снова враждующие со всеми подряд. А если в сторону Богатого, так совсем паршиво. О тех местах Хаунд почти ничего не знал. Так что, крути не крути, а надо ему туда, куда согласно заданию с договором. Йа, так оно и есть, натюрлих.

Состав громко заскрипел, останавливаясь. Его подняло, резануло жестким по спине, бросило на еще более твердое.

– Здорово, мужики.

– Здорово, Макар.

– Прячьте свою хрюшку подальше и не отсвечивайте. Или тут у вас корова?

– Лось, еб.

– Десятку сверху.

– Не до хера?

– А если пустить досмотреть?

– Договорились, десятку.

– Хер на воротник, родной, теперь уже пятнашку.

– Молчу.

– Молодчина.

Хаунд вздохнул. Про себя. С кляпом во рту иначе никак и не повздыхаешь. Пока все шло не особо плохо, не считая руки. Вот она беспокоила все сильнее, Оставалось надеяться на организм с иммунитетом, если бы не «но». «Но», если память не изменяла, оказалась несколькими ржавыми швеллерами, покрытыми всяким дерьмом, нанесенным ветрами и временем. В этого сраного дикобраза Пес приземлился, когда ему долбанули машину, а он сам прыгнул, почти не собравшись. Столбняк, натюрлих, вполне наплюет на железное здоровье мутанта. Особенно вне какой-никакой, но все же медицинской помощи.

Сейчас ему оставалось очень немногое: лежать и думать. Работать мозгами было уже лишним, ситуация прояснилась практически полностью и осталось дождаться подтверждения – самой продажи на рынке. Если все пройдет, как думалось, поймать момент и, изловчившись, освободиться, и заняться давно любимым и привычным делом. Каким? О, йа, тоже мне вопрос. Дело у него простое – убивать, и делал он это хорошо.

А раз так, то можно пока закрыть глаза и подремать оставшееся время пути. Тем более, учитывая скорость движения локомотива и состояние путей, ехать не меньше сорока минут. А сорок минут на войне, а она вокруг Хаунда вовсю и шевелила своей кровожадной паутиной, это много. Да и чего он не видел в Кинеле? Понятно, что так-то как раз ничего не видел, не побывав ни разу. Но общее представление имел.

Десять-пятнадцать железнодорожных путей, соединенных вместе для курсирования боевых дрезин в случае нападения или осады. Кольцо фортов –

стеной такую площадь перекрыть сложно, так что фортификации там не сплошные, но продуманные. Старые, некоторые еще при царе-батюшке построенные, кирпичные здания. Новоделы, всякие вагончики, кибитки и шалаши из дерьма с палками. Относительно настоящие дома в слободках поодаль. Сам рынок, натюрлих, в огромной каменной кишке старого депо, оказавшегося сперва без дела, а потом совершенно полностью перешедшего под торговые нужды.

А там, глядишь, поесть получится, поспать в тепле, да еще попросить пожарить куренка… какого куренка, он же в плену? А, это уже сон. Гутен таг, дорогой, спасибо.

– Сука! Дрыхнет, что ли?

Хаунд приоткрыл глаз и уставился узким лисьим зрачком на свинорылого. Того, судя по всему, спокойствие не совсем обычного пленного несколько пробрало. Причем настолько, что знакомое движение, когда наружу появляется пистолет, мутант узнал сразу. Пришлось совсем притихнуть и открыть второй глаз. Не, а чего? Вполне понятная реакция работорговца и контрабандиста на совершенно умиротворенно давящего на массу образца живого товара. Не стоит будить лихо, пока то тихо, йа.

– Так-то лучше. – Свинорылый наклонился ближе и все же приложил ствол к голове Пса. – Слушай внимательно и моргай, если понял, когда спрошу. Усек?

Хаунд моргнул. И уставился на сраное свиное рыло. Втягивал воздух глубже, стараясь запомнить падлу не только глазами, но и нюхом. На хрена? Да чтобы потом из-под земли достать и сделать что-то заведомо нехорошее. И в меру кровавое. Он же не садист, в конце концов.

– Сейчас ты, рожа, очень спокойно будешь ожидать ошейника на шею, потом мы тебе освободим руки и оденем браслеты. А когда дядя скажет вставать, то встанешь и сделаешь все остальное. Ясно?

Хаунд моргнул. Чего тут непонятного-то? Не дергаться же, оказавшись в такой ситуации. Тут лишние телодвижения вредны своим наличием и последующими живительными инъекциями свинца в организм. Организм свой Хаунд любил и

портить его не желал.

– Сапоги хорошие…

Свинорылый, покосившись на кого-то невидимого, сплюнул.

– И чо? Ты размер видишь? Их у нас даже вышибале не продашь. Не нога, сука, ласта, размер пятидесятый. Мутант, чего взять с него.

– Ну да…

Огорчение? Хаунд порадовался своей мутировавшей ножище, стоившей ему немало. Сапоги, чего говорить, явно великоваты большинству живущих в области людей. Хотя бы что-то ощутимо хорошее. В опорках, босиком или там, в лаптях, он шастать не любил.

– Бо?шку подними.

Поднял. Ощутил холод металла, явно необшитого хотя бы дерматином. Оно понятно, тут перепродажа, чего цацкаться – натрет ему до крови или нет.

Чпок-чпок-чпок… это уже хомуты срезают с рук. Чешущихся в желании свернуть пару шей рук. Терпи, Хаунд, терпи, время придет.

– Сел.

Тело затекло, но слушалось. Он согнулся, поднимая самого себя как колоду.

– Руки за спину.

Да пожалуйста. Гутен таг, браслеты, давно не ощущались.

Чпок-чпок-чпок. Ноги свободны. О-у-у-у, как кровь кинулась.

– Поднимите его.

Гуманисты хреновы.

Его подхватили за плечи, подтолкнули вверх. Пес встал, стараясь удержаться и не упасть. Кровь бежала быстрее, зло колола иголками, разбегаясь колючей проволокой по всему телу. Покрутил головой, заработав леща.

– Спокойно стой, тварь! Намордник давайте.

Вонючий онуч ему сняли, дали вдохнуть воздуха и отплеваться от накопившейся слюны. Даже напился, пусть и пришлось жалостно тянуться губами за постоянно убираемым горлышком фляги. Ничего, йа, он потерпит.

Намордник был добротным, с металлическими удилами, врезавшимися в края губ, растягивая их. На затылке, не жалея, затянули ремень.

– О, готов, шеф. Принимайте.

Свиномордый возник перед ним, оказавшись почти коротышкой. Стоял, брезгливо оглядывая Хаунда с ног до головы.

– Ну ты и скотина… За мной иди.

Хаунд на всякий случай моргнул и кивнул. Мало ли, вдруг он дебил, как напарник. Тот выше и крепче, но идиотом выглядеть не перестал. И хорошо, такого жалеть точно не придется. Вдруг захочет расплодиться? А зачем Земле-матушке сейчас нужны форменные дауны вместо нормальных людей?

Идти поначалу было тяжеловато, но скоро все навыки восстановились. Кроме руки, так и не желавшей хотя бы начинать болеть поменьше. И выздоравливать. Не нравился Хаунду один момент с ней. Вернее, даже два: сильная дергающая боль в пальцах, распаханных рваным краем одного из тех чертовых швеллеров, и запах. Запах не нравился еще больше. Гнилостный такой сладковатый запах.

А вокруг раскинулась крепость Кинель. Вся из себя приземистая, крепкая, сплошь кирпич, бетон да металл. Крепко несло маслом, мазутом и солярой, большим скопищем людей и животных, вездесуще-железнодорожным креозотом. По путям, по своим делам, катилось несколько тележек-дрезин,

нагруженных ящиками, мешками и людьми. Анклав с виду казался основательным, богатым и вольным. Старые часы – большущий белый кругляш на низком и длинном здании с вполне целым перроном – даже шли. Эвон как, йа, удивительное дело!

Своих товарищей по несчастью Хаунд начал замечать сразу же. Разобраться с ходу – людей или мутантов, особо не вышло. Чересчур много у них общего, вонявшего грязью, немытыми телами, кровью и безнадегой. Хотя дело шло к обеду, рынок, видать работал вовсю. Вереницы мужиков, баб и детишек, связанных веревками, соединенных цепями и даже в колодках, так и тянулись куда-то вбок.

– Стоять!

Свинорылый недовольно покосился на троицу в сером, с короткими автоматами.

– Это что?

– Товар, Степа, не видно, чтоль?

– Где документы и клеймо?

– Степ, мы только…

Степан, дернув губой, покосился на свинорылого безо всякого уважения.

– Там ваши покупатели торгуют основную партию. Не сделаете как нужно, хрен к ним попадете сегодня. Марш к врачу.

Хаунд, сам того не желая, оскалился, как смог, в ухмылке. Цивилизация, натюрлих. Проход больным животным и рабам на территорию торговли строго запрещен. Дожили, мать его, йа. И это в единственном в мире государстве когда-то победившего социализма, стране рабочих и крестьян. Царь-Освободитель, надо полагать, сейчас вертится аки веретено. Он им отмену крепостного права чуть ли не раньше, чем в США, соорудил, а они, только выпало, давай снова людишками торговать.

Да еще и по всем правилам, с осмотром у ветеринара. Интересно, им придется очередь выжидать, пропуская вперед крестьян с курами-несушками и поросятами?

– Иди, сука, чего застыл! – рыкнул свинорылый и толкнул в поясницу.

И зря. Твоя смерть, майн фрёйнд, стала на пять минут мучительнее.

Врачи размещались в том самом здании с часами. Оказалось оно ни много ни мало, а бывшим вокзалом. Даже длинные соединенные сиденья виднелись где-то вдалеке.

«Организмы на продажу – проверять здесь».

Хаунд, рыкнув от удовольствия, полюбовался аккуратной вывеской в противоположном углу. Натюрлих, хорошее чувство юмора у местных.

– Хрюкаешь? – не поняв, спросил свинорылый. – Правильно, тебе, кабанище, самое там место.

Хаунд покосился на него и потопал в указанную сторону. Очередь наблюдалась, но свинорылый собственник недавнего хозяина всея Товарной плевать на нее хотел. Видать, был все же в чести и заносил санврачам немалый магарыч.

Красивая и крепкая баба, явно селянка, с клеткой, полной типа цыплят, фыркнула, но подвинулась. Взгляд скользнул по Хаунду, и тот непроизвольно принял прямо-таки гренадерскую стать, развернув плечи и выставив грудь. И подмигнул. Тетка фыркнула еще раз, но взгляд не отвела, лукаво улыбаясь. Знать, с мутантами сурово только в самом Кинеле, в окрестностях нравы попроще.

– Оу, кто тут у нас?

Голос оказался женским, молодым и красивым. Хозяйка голоса выглядела под стать ему: с копной светлых густых волос, одетая откровенно вызывающе, если такое можно было сказать о текущем времени. Во всяком случае, на характер работы указывал именно белый халат, восхитивший Хаунда, а все остальное,

стройное и поджарое, было обтянуто самым настоящим джинсовым костюмом. Вот такие пироги с котятами, кому Беда вокруг, кому все хорошо. И дело, надо полагать, вовсе не симпатичной рожице и упругих сисечках, размера так третьего, виднеющихся в низко расстегнутой курточке.

– Здрасьте, Ольга Николавна.

– И вам того же самого, капитан Негоро.

– А?

– Ничего, не обращайте внимания.

Хаунда уже начало злить незнание имени его покупателя-перепродажника. Запах и внешность хорошо, но искать лучше по точным данным. Потом.

– Каков экземпляр… – протянула красивая Ольга Николавна, рассматривая Пса. – Ну, раздевайте мужчину.

– На хера? – поинтересовался дебиловатый напарник свиномордого.

– Не на хера, Пантыкин, а потому как санконтроль. На предмет врожденных и полученных патологий, паразитов, явных признаков заболеваний и проверку всего остального. А будете хамить, так пойдете сидеть и ждать результаты анализов. Кровь, кал, моча, соскобы слизистой и прочее. Имею полное право отправить вашего крепыша в карантин. На трое суток, как минимум.

Пантыкин, значит? Хаунд покосился на дебилушку Пантыкина и внутренне пообещал ему чуть более ранее задуманного. Из всей палитры болезненных способов умерщвления, имевшихся для таких случаев в голове.

– Ольга Николавна… – протянул свиномордый. – Свои же люди, ну…

– Во-первых, Николаевна. Во-вторых, если свои, то дополнительный штраф небольшой. Двадцать пятерок. А будете возмущаться, так карантин. А Кот уходит сегодня, ну, либо завтра утром. Вы же знаете о Коте?

Свиномордый сглотнул и преобразился. Если и мелькала в глазках, обросших светлыми ресничками, жадность, то тут же пропала, и карман красивой Ольги Николавны наполнился приятными звяканьем и весом бодро отсыпанных патриков.

– Эту страну погубит коррупция, – вдруг вякнул Пантыкин, явно переживавший потерю заработка сверх запланированного.

– На хер пошел! – рявкнули, одновременно, старший компаньона дебилушки и санврач.

– Пристегивай, – смилостивилась и не стала задирать штраф хозяйка кабинета, – и давай быстрее. Рынок не ждет.

Цепь крепилась к стене. Капитальной такой, из кладки советских времен, приваренной концом к выступающему толстому уголку. И не каким-то там карабином, а самым натуральным замком. И такой милоты, видно, для конвейерного осмотра, было еще пять штук.

– Дернешься, прострелю колено, – ласково пообещала красавица, достав из ящика стола обрез. – У меня картечь, чтобы наверняка.

Хаунд пожал плечами и, дождавшись снятия прочего железа, разделся. Намордник ему оставили, но хотя бы получилось вытереть слюну, текущую, как у бульдога. Настоящих бульдогов Пес никогда не видел, но среди гнилопсов водились явно схожие.

– Ты руку попортил? – поинтересовалась женщина, пробежав по Хаунду глазами. – В целом все нормально, уши только наполовину целые, но это не страшно. Слышит-то хорошо. Сними эту хрень с него, зубы проверю.

И отошла, снова взяв обрез. Надо же, как быстро становятся профессионалами в выпускании мозгов с кишками даже красивые и вроде бы мирные женщины.

Пес засипел, отплевавшись и косясь вниз, на собственную бороду, полностью блестящую от слюны.

– Пей, выродок! – Свинорылый ткнул флягу. – Задрал ты уже.

– Открой рот. – Ольга Николавна подошла ближе. – Хорошо, как у нормального жеребца.

– А у меня все, как у нормального жеребца. Ой, доктор, я вас чем-то задел…

– Ты его кастрировать не думал? – Врач повернулась к свинорылому.

– Кот кастрата точно не купит. Да и валяцца станет с неделю, не меньше.

– Угу, верно. – Ольга Николавна повернулась обратно и рукой в плотной кожаной перчатке вдруг резко сжала «что-то» в самом низу Хаунда. – Ой, неужели ему больно? Зато меня ничего не касается.

– Отстегивать?

– Нет. – Врач поморщилась. – Может, Кот за него и вообще не заплатит. Но продавать скотину с сепсисом я тебе не позволю. Выбор невелик, если разбираться. Или он сам помрет, через неделю, или я удалю органы с абсцессом.

– Чо?

– Мизинец и безымянный, лучше полностью. Так ты хотя бы его на работы продашь. Иначе помрет и все. Намордник надень, вдруг орать примется, а у меня голова с утра болит. И да, если верить всяким слухам, лучше продать его в Оренбург. Там Орден, исследования… а у него глаза вон какие, как у кошки. Или у кота. Да надевайте намордник уже.

Хаунд, сопя, не стал отводить лица, снова ощутив сталь во рту. Пальцы? Это плохо.

– Позови своего идиота.

Свинорылый, ворча, вышел, чтобы тут же вернуться с Пантыкиным.

А Ольга Николавна времени зря не теряла. Подкатила лоток на колесиках, почти по пупок Хаунду, зазвякала всем нужным. Жгут, несколько хирургических ножей разного размера, большие и прямо-таки сияющие ножницы. Загудела газовая горелка и снова звякнуло, когда санврач закрепила в специальных зажимах несколько странных железяк, больше похожих на приборы для мангала.

– Слушай сюда, хозяин эдакого жеребца. – Женщина остановилась напротив Хаунда, подняла взгляд, глянув ему в глаза, и вернулась к Свинорылому. – У него уже началась гангрена, думаю, из-за какого-то подхваченного дерьма. Мне даже не нужно проверять ему температуру, я и так вижу, что хреново, как бы он не старался выглядеть героем.

Только организм теперь не герой. Будь он городским имуществом или нормальным человеком, они могли бы потратить лекарства и попытаться сохранить пальцы. Но этот, лохматый, не то и не другое. Так что все просто: за него решает хозяин и врач. А врач решила попробовать сохранить имуществу жизнь. Пусть и без почти двух не самых нужных пальцев. Обезболивающего у меня нет, придется потерпеть. И потом тоже. Но зато останется в живых и будет очень долго благодарен тете врачу. Он понял?

Свинорылый ухватил Хаунда за горло:

– Всосал, да? Моргни.

Хаунд моргнул. Жить хотелось больше, пусть и без пальцев. Зря надеялся на организм – наверное, начал стареть. Раньше, года два назад, внимания бы не обратил на такую хрень, зажило бы, как на собаке.

– Клеймо сейчас поставь. – Свинорылый хмурился. – Мало ли.

– Пантыкин, сделай, мне руки помыть надо… Эй, молодой человек, крайнее тавро, категория Б, что ты там хитришь. На А он не тянет, инвалид.

Хаунд не стал дергаться в сторону. Встретил почти стеклянное от жара железо, раскаленную литеру, грудью. Зашипело, завоняло паленой шерстью и кожей с мясом. Его, Хаунда, телом. Но он стерпел, пусть и чуть не сломав клык.

– Раствор вон.

Пантыкин, нехорошо улыбаясь, взял «вон», пластиковую темную бутыль, и полил на горящий ожог. Перед глазами Пса вспыхнуло белым, и он взвыл.

– Руку вот сюда. – Врач показала на специальный выступ. – Пристегните ему руки с ногами и натяните цепи.

Звенья, позвякивая, потянулись через специальные кольца в стене. Хаунда зафиксировали четко, не дернешься.

Врач, пахнущая щелоком и чем-то едко-больничным, выбирала нож. Понятно, сперва спустит имевшиеся сухожилия и немножко плоти, потом резанет вон тем секатором. Отличная перспектива, натюрлих.

Что Хаунду не нравилось, так это запах собственного страха. Сразу стало ясно, что именно он, но от того легче не стало. Бояться было непривычно.

– Я закрепила жгут, как скажу, прижигайте. Культю тут не сделаешь, надо быстро.

Он выдержал до момента, когда второй раз за несколько минут его коснулось раскаленное железо.

Дорога ярости 2

Пытливый и меркантильный интеллект Карно добился своего. Тяжелые махины, работающие на всем, что горит, включая найденные у Киркомбината составы с углем, начали раскатывать по городу. Бывшие чехословацкие трамваи, казавшиеся неуклюжими, вместе с поддержкой мобильных групп рейдеров и вооружением от «Металла», неожиданно оказались серьезной силой.

Город, пару раз столкнувшись с ними в ходе пробных стычек у Оврага подпольщиков, отступил. Прогресс напрягся и выставил дополнительные посты на мосту через железку, ведущему к самому заводу, предварительно разобрав часть рельсов. Со стороны Заводского шоссе сделали то же самое, но удара с

Кировского рынка заводчане опасались меньше.

И вот сейчас, неведомо как предупрежденные бывшими товарищами самого Зуба, люди Карно готовились его сжечь. Прямым попаданием, если не случится чуда или если Зуб не сможет справиться и ускориться.

Паровое чудовище накатывало справа, все ближе и ближе. Серо-стальное, обваренное плитами с пластинами, собираемыми хозяином ТТУ повсюду, с отвалами на обоих концах, едва заметное на фоне мертвых черных деревьев и грязных кирпичных корпусов больницы Калинина. Зуб заприметил-то его только из-за пара, вырывавшегося в решетку косой широкой трубы. Густо-белесые завитки машины, работавшей на полному ходу, светлели на безграничной мешковине низкого неба.

Паровик шел внаглую, но перекресток-то удерживали Братья Ветра, сейчас суетливо выставлявшие несколько «ежей» перед Зубом и явно растерявшиеся. Трамвай гудел рельсами, расшвыривая скопившиеся груды хлама, сухие ветки и остальное дерьмо, мешающее ему. Выстрелы рейдеров-байкеров, не имевших на посту крупного калибра, были ему что семечки. Зуб почти видел искры от рикошетивших пуль, как заводских, все более редких, так и самопальных. Скорости могло не хватить, а ему еще и маневрировать, протискиваясь между почти установленными «ежами».

«Главное, братишка, не сбрасывать скорость!»

Зуб, всему обученный сестрой, так и поступал. Даже сейчас, когда, вроде, надо наоборот… Но Девил была права всегда. Почти всегда. Сейчас, наверное, поступила бы так же, как он.

«Ласточка», рыкнув и вильнув в сторону, объехала «фолькс-транспортер», скрежетнув по борту и выдрав защитой куски и хлопья тут же разлетевшейся ржавчины. До перекрестка метров сто, трамваю – сто пятьдесят, не больше. Ну, братишка, давай!

Пост Братьев прятался в притащенном вагончике и мешках с песком, уложенных с двух сторон дороги. С левого укрепления херачили по нему, по Зубу. Хорошо…

На задних дверках, направленные чуть вверх и в стороны, темнели плоские коробки с тремя закрытыми дырками. Не для красоты, ясен пень, для дела. Направляющие для небольших и типа тепловых ловушек. Хотя на самом деле Кулибин зарядил туда те самые фосфорные заряды. Вот и пригодились.

Зуб открыл щиток на торпеде, туго провернул ручку динамо, дающего заряд на провода коробки, щелкнул левым пускачом.

Шихнуло, еще и еще раз, мелькнуло сбоку стремительно растущими белыми следами. Первый ушел влево, очень удачно, влетев прямо в окошко вагончика. Тот немедленно грохнул изнутри, вспыхнул как елка, выбросив разлетающиеся фосфорные огарки, не желающие тухнуть, и горяще-орущего рейдера.

Второй заряд разорвался прямо на пути троицы, старательно тащившей последнего «ежа», замкнувшего бы выезд с Москвы. Ударился о крепко сцепленные между собой куски рельсов, разлетелся ослепительной вспышкой, раскидав в сторону воющих Братьев, тут же охваченных беспощадным огнем.

Третий ударился о паровик, прямо в лобовую броню, рассыпался сияющими брызгами и попал в щели между наклонными плитами. Паровик пер себе дальше, хотя изнутри, через ближайший к носу порт, вдруг возникло густое облако чего-то загоревшегося, тут же смешавшегося с паром. Трамвай накатил на перекресток, снеся к чертовой матери замешкавшего рейдера, который не успел выстрелить в летящую машину и старался теперь помешать всем своим огромным телом…

– А-а-а! – Зуб заорал, видя лазейку для «ласточки», узкую полоску крошащегося асфальта. – На-а-а-а!

Дикое и первобытное, замешанное на страхе и желании жить, рвалось наружу этим воплем. Машина вильнула влево и тут же, подчиняясь выкрученному рулю, ушла направо, едва не клюкнув бортом в никак не останавливающийся паровик.

А тот вдруг дрогнул изнутри, на глазах набух и лопнул, взорвавшись рыжими жадными языками пламени. Рвануло громко, докатившись даже внутрь «ласточки», чудом удержавшейся на выщербленной трассе и сейчас с трудом выравниваемой Зубом.

Грохнуло еще раз, разлетаясь в труху от рвущихся пороховых зарядов, наверняка вытащенных из упаковки, куда порох прятали мастера «Коммунара», поставлявшие боеприпасы всему городу.

Зуб вдавил газ и понесся вперед, понимая, как быстро нужно набрать скорость, ведь сейчас…

Шарахнуло так, что он чуть не обоссался со страху. Зазвенело по крыше, авто тряхнуло и чуть не повело. Рванула паровая машина, потревоженная разрывами и точно треснувшая в котле и прочих хитрых механизмах. Трамвай мелькнул в зеркале, разлетающийся и уже мертвый, похоронив с собой раскиданный вокруг весь свой экипаж.

Грохот оглушил. Зуб потряс головой, звеневшей изнутри, пальцем поковырял в ухе и замер. Сзади, треща выхлопами, за ним на байках неслись незамеченные Братья Ветра.

Глава третья. Новая счастливая жизнь других

Бороться и выживать – две разные вещи

Песни Койота

– Очухался. Эй, скотина, вставай!

Снова-здорово?! Ну да, так и есть, йа. Хаунд глядел на подошвы. Подошвы стояли у самого его носа, больше ничего не было видно.

По подошве можно многое понять о ее хозяине. Не сказать, что он увлекался изучением обуви, но голова-то ему нужна не только, чтобы в нее есть, йа. А с его-то родом деятельности приходится разбираться во многом. Особенно в свихнувшемся мире вокруг.

Этой обуви крепко доставалось последние… да все последние месяцы ее жизни. Сделано вручную, тачали не особо на совесть, но добротно. Резина от покрышки,

рубчатая и неубиваемая обычной ходьбой. Кожа на подметках и ранты сшиты толстой искусственной нитью. Следы от воска, старые и недавние, впитавшие грязь с пылью. Едва ли этим ботинкам год, а заношены, как за несколько лет. И не только из-за многих пройденных километров. Просто хозяин свинья и не следил, вот и все. Но достаток есть.

В принципе, Хаунд и так это прекрасно понимал, ведь подошвы и все, что выше, и голос принадлежали свинорылому. Но так было проще справиться с огнем в правой руке, пониманием случившегося, и ожидать будущее.

– Подъем, еба, ты не понял?!

А вот и Пантыкин. И врач, красивая Ольга Николавна, собственной персоной, в зеркально блестящих сапожках, сшитых по аккуратным узким ножкам.

– Он молодец. – Докторица присела рядом, потрепала Хаунда за щеку. – Я дам несколько бинтов, мазь и порошок. Три раза в день менять перевязку и принимать лекарство. По щепотке… хотя ему по полторы, он же большой мальчишка.

Пес поднялся. Дернул целой рукой, ожидая звяканья, и не ошибся. Отстегивать его никто не собирался. Как он только не задохнулся, повиснув на ошейнике?! Кожа под бородой ощутимо саднила, порванная при падении. Ничего, заживет… наверное. А в собственную записную книжку плохишей и негодяеек он занес еще одну личность. Вот этой вот, красотки-коновалши, всего лишь выполняющей свою работу.

Это же так честно будет звучать, когда он возьмет ее тонкую и красивую шею свободной рукой. Длины пальцев хватит почти захватить ее в кольцо и сжать. Но не насмерть, такое удовольствие полагается растягивать. И тогда Хаунд снова услышит постоянно повторяемую мантру:

– Я просто делала свою работу, я просто пытаюсь выжить…

И действительно, все очень просто. Она просто пытается выжить в просто анклаве просто работорговцев. Все очень просто, всего лишь двадцать лет с Войны и, натюрлих, человек человеку люпус эст. Волк, то есть. Ну хорошо, пусть будет так.

– Стой спокойно и заведи руки за спину.

Он выполнил сказанное, стараясь сдержаться. Зверь внутри требовал крови и насилия. Требовал очень настойчиво и почти ощутимо. Как наяву, йа. Даже с одной рукой. Вторая же есть, а еще ноги, голова, клыки и когти на целых пальцах.

Ударить Пантыкина локтем правой, назад, пока тот ковыряется с браслетами на запястьях. Резко вверх, в челюсть, до хруста, заставив потеряться на несколько секунд.

Левой, наотмашь, хлестнуть по горлу врачиху, вскрыв ей сосуды и дыхательное горло с пищеводом.

Ногой размозжить свинорылому яйца, а пока тот будет корчиться, сломать основание черепа одним точным ударом сверху.

Вернуться к Пантыкину и, подарив себе наслаждение, сперва выдавить ему буркалы, а потом, подняв вверх левой, ударить лбом. Вогнать кость носа внутрь, до самого мозга. И…

Хаунд покосился на уже такой знакомый обрез и благоразумно повернул запястья удобнее. Ничего, в нем просто бездны терпения. Да и выбраться нужно из крепости, тут особо не разгуляешься, тем более раненым, йа.

– Спасибо, Ольга Николавна, – буркнул свинорылый и подтолкнул Хаунда в спину.

Давешняя красивая баба, явно устав ждать, смотрела на каждого из них прямо со злостью. И даже не пожелала посочувствовать бледному бедному мутанту-красавцу с рукой в кровавых бинтах. И даже сплюнула себе под ноги. Эх, люди-люди…

Хаунд прислушался к себе. Боль жгла покромсанную руку, но было что-то еще. Не иначе, как врачиха вогнала в кровь какое-то стимулирующее. Не мог он вот так спокойно идти после всего случившегося. Ноги так и летели вперед, непонятная эйфория заставляла радоваться всему. Что за шайссе?

– Зырь, как скачет, козлина. – Пантыкин хохотнул, ткнув Хаунда стволом дробовика. – Аккуратнее иди, родной. Тут если вздумаешь побежать, так тебе быстро обраточка прилетит.

– Хера ль ты ржешь, баран?! – Свинорылый дернул поводок, закрепленный в ошейнике. – Следи давай. Хрен знает, чего она ему там ввела, чего такой бодрый. Сраный энерджайзер.

Значит, не ошибся. Хаунд постарался успокоиться, идти ровно и взять назад контроль над телом. Над нервной системой уж точно. Понятно, инъекция, чтобы он от шока не помер, такое вполне возможно. Сам он оценивал себя несколько серьезнее, чем обычного человека или мутанта, но был в чем-то благодарен врачу. Чересчур много свалилось на его хрупкие лохматые плечи за сутки, натюрлих. Немного релакса не помешает.

Жизнь вокруг идущей троицы бурлила, куда там той же ярмарке Смышляевки, торгу на станции Победа или даже суете Московской. Анклав-крепость Кинель, прочно ставший на ноги за последнее десятилетие, пожинал плоды побед увереннее медленно воскресавшей областной столицы.

Свободного места на бывшем перроне хватало. Сам перрон превратился во что-то вроде бульвара. Сложно поверить, но сейчас по нему… просто гуляли? Точно, не могли с десяток пар мужиков и дев разных возраста, внешности и степени потертости решать одинаковые дела схожими маневрами. Они, шайссе, совершали моцион. Не хватало только букетиков дешевых цветов с красивыми зонтиками – прямо времена хрустящих французских булок да сраных лордов Байронов, йа.

Зато семок, хрустящих скорлупками под ногами, оказалось ого-го сколько. Каждая из пар, лузгая одну за другой, так и плевалась черной кожурой, прям твои маслобойки. Сидевшие тут и там торговки с таким ходовым товаром не удивляли вообще. Суровое время рождает простые развлечения. Эти торговали, кроме жареных семечек, сушеной рыбой, вяленым мясом, небольшими бутылками с чем-то явно подкрашенно-спиртным и, тут Хаунд позавидовал гулякам, аккуратно скрученными «козьими ножками». Нос не подвел, в белых бумажках торговцы сыпали самую настоящую махорку.

– Иди давай, сучара! – не выдержал его спокойного хода свинорылый. – Чо пялишься, сволота, один хрен твоя очередь мимо всего.

Хаунд, запнувшись, хотел развернуться и накласть с прибором на осторожность. В смысле, что сломать ему шею ударом ноги. Сейчас ему точно хватит всего – сил, лихости и вообще, пока действует вколотый стимулятор. Но пришлось затушить этот порыв, не время еще.

– Вон туда прись, гнида! – Свинорылый подтолкнул его к деревянному мостку, ведущему к длинной дорожке, сколоченной из досок. Видневшийся в ее конце рыже-красный муравейник, кишащий людьми даже за стенами, мог быть только одним. Знаменитым кинельским рынком.

Погоды последние дни стояли теплые, осень в свои права пока не вошла. У самого бывшего депо народа толпилось немало, явно говоря о приезжих, специально добирающихся в Кинель за-ради торга и товаров. Хаунд, пусть и стреноженный аки конь, привычки наблюдать не бросал, запоминая и присматриваясь ко всем и вся.

Городок в Беду не окуклился, не протух насквозь живой мертвечиной человеческой лени с гнилью. Наоборот, взятый в ежовые рукавицы совета инженеров, путейцев и батальона пехоты, переезжавших в эшелоне куда-то на Урал, справился на ять. Не дал развалиться сложившемуся обществу, прижал, как выбрались наружу, мародеров с бандитами. Железнодорожники, прибрав к рукам находящийся в Усть-Кинельском сельхоз-навоз, то есть сельскохозяйственный институт, за аграрные проблемы взялись как за родные паровозы. С подходом, вдумчиво, сурово и работая только на результат.

Результат сейчас, в первый месяц осени, красовался по всему периметру кирпичного красавца. Собственные хозяйства, фермы и хуторки вокруг Кинеля сулили Городу крупную добычу с одной стороны, начни они расширяться… и нехилые проблемы с сопротивлением с другой. Люди тут, даже на первый взгляд, отличались от городских как небо и земля. На кой ляд им городская центральная власть?

Казалось бы, как так, время-то одно и то же вокруг, ан хрен, натюрлих.

То ли дело было в Рубеже – аномалии, на двадцать лет запершей Самару от мира, пока ее не вырубил пропавший Орис, то ли еще в чем, но тут даже воздух вдыхался лучше. Сейчас, во всяком случае. Местные, чаще всего, оказывались румяными, кровь с молоком, без бледных десен, с крепкими зубами. Жопы у трех прошедших юных девок, статных и грудастых, качались так приятно глазу, что Хаунд умудрился забыть о больной руке.

– Крутится, вертится шар голубой…

Картошка, свекла, кукуруза, табак россыпью в мешках, яблоки… настоящие яблоки, морква, лук и чеснок. Сокровища золотились и темнели на солнце. Хаунд, проходя мимо продовольственного базара, косился на него с завистью. В Город перепадало всего ничего, за килограмм сраной жарехи из картохи в «Ни рыбе ни мясе» Лукьян драл втридорога. Ну, пока еще не удрал со Спортивной. Сейчас, спустя целое лето и пока не начавшуюся войну, втридорога там лупили другие.

– Крутится, вертится вместе со мной…

Народ гомонил, ругался, ссорился и спорил, кто-то заливисто и совершенно идиотски ржал как конь в одной из палаток. В другой, совершенно не смущаясь, охала, низко и заводно, явно горячая особа. Хаунд глянул на вывеску и поморщился. В палатке принимал костоправ.

– Крутится, вертится, хочет упасть…

Грохотали молотки мастеров по починке всего возможного. Прямо на глазах любопытной детворы кузнец, крепкая мадам в брезентовом комбинезоне и майке без рукавов с надписью «Питер» и портретом лысого перца в противогазе, мастырила нож. Некислый такой мессер, длиной с предплечье самого Хаунда.

В общем, жизнь жила, цвела и пахла. В основном жратвой, сладким женским потом, табаком-самосадом, ядреными нотками самогона из всего подряд и, самую малость, кровью со стороны мясников в дальнем конце рынка. Чужая жизнь.

– Кавалер барышню хочет украсть!

Безногий инвалид, сидящий на тачке-самокатке, свернул гармонику, нацедил из краника, торчавшего сбочку, ядреной даже на расстоянии полироли, жахнул и рассыпался пальцами, хрипло загорланив про решено без возврата, про покинуть родные края, про стихи до утра проституткам и спирт, жареный с бандитами. Да, чужая жизнь тут казалась прекрасной.

Его, Хаунда, новые судьба и остальное, пахнули из раскрытых стальных ворот совершенно иначе. В основном сплетая воедино чудесные ароматы навоза, грязи, плохой еды и еще более худших кишок, больных и требующих нормальной обуви ног, страха, мочи и крови. Ею тут воняло гуще, чем со стороны бойни.

Неудивительно, ведь на деревянных козлах, стоявших посреди депо, кого-то увлеченно пороли. А кого-то, судя по обводам так явно сдобную бабенку, уже оттаскивали. А вот животных, отделенных от двуногих зверей сеткой из рабицы, бить тут совсем не спешили.

– Радуйся, существо. – Остановившись перед Хаундом и его типа хозяевами, на Пса смотрело пузатое рыжее нечто в кожушке и шароварах с лампасами. И густо дышало запахами продуктов самогоноварения. – Жизнь твоя бесполезная отныне закончена, а ждет впереди лишь истинное наслаждение труда во благо человечества и его отдельных представителей. И раз вас тут заждались, плати, Спирин, двойную пошлину. Я из-за тебя, долболоба, задерживал Кота целых полтора часа. А ты притащил какую-то жердь обезьяньего образа внешности и стоишь тут с видом героя. Ты, часом, не слишком ли хорошего мнения о моей персоне?

Хаунд, сверля рыжее нечто глазами, про себя поистине последовал совету и возрадовался. Но не будущему и его молочно-кисельным перспективам, хера.

Спирин, сука, вот ты кто, оказывается, вот как тебя звать, свинорыл. Крандец тебе, молочный поросенок, светит веселье быть запеченым с кашей, натюрлих. В том смысле, что крупу он планировал забить в упыря с обеих имеющихся дырок и зашить. Натурально, накрепко и сапожной дратвой. С последующей прожаркой в каком-нибудь общественном сортире позасратее, предварительно ливнув в говно с полканистры горючки.

– Прямо ждет?

– Воистину, чудак-человек, специально и только тебя, чтобы узреть – что же за чудо-бойца ты нынче приволок? А у тебя тут форменный калека, да еще и мутант. Спирин, заиграешься, так хрена лысого с тобой работать стану даже я.

– Антоныч, – свинорыл Спирин как-то угодливо подсжался, заискивающе мотыляя глазенками туда-сюда, – ну ты чо, чо ты… Накладка вышла, так вить небольшая, в норме он, глянь, мышцы какие, а? Ты ж знаешь, не заржавеет за мной, ваще.

– Смотри, возгря, оттолкну от груди своей материнской, потом только и останется, что писю чемулызгать, сам приползешь, еще разок так подставишь.

Хаунд, скребя клыками удила, скалился. Рука начала возвращать всю палитру ощущений, до поры до времени скрадываемую стимуляторами, но он радовался. Таким-то паскудам, как эти недоработорговцы, судьба уже начала отвешивать живительных звездюлей в ожидании расплаты от него самого. Хорошо, хорошо, йа, дас гут.

– За мной, тварь ты дикая.

– Ты это кому? – оторопел Спирин.

– Вот ты тупой ублюдок, – пропел едва на ногах державшийся Антоныч, – твоему выродку, ясен пень. Ты на себя подумал? Сходи, сука, в медблок. Там психиатр недавно поселился. Дурной, правда, на всю голову, но пилюльки какие-то сам делает, из травок с грибами. Глядишь, попиздите и он твою, эт самое, как ее… вот жопа-то с памятью… А! Да! Сраную твою самооценку поднимет.

Хаунд двинулся за ним сам, без всяких тычков и пинков со стороны свинорылого и дебилоида. Кот там или еще кто, без разницы. Общество двух полудурков ему надоело очень сильно. Настолько, что он чуть не сорвался. Вот прям только что. А срываться и самоубиться сейчас – одно и то же.

Мужчины, женщины, дети, старики и старухи. Всех помаленьку, ребятишек явно меньше. Рынок уже начинал сворачиваться, небось большую часть раскупили. Ребенки-то, если вдуматься, товар ходовой, их сломать и переделать проще взрослых. Вот и покупают отдельные представители возрождающегося человечества. Как возродят, так начнут песни петь, мол, не покладая рук и не

жалея себя, именно себя и только себя, да еще без сна и отдыха, трудились на благо будущих поколений, йа.

Как такое допускают сами железнодорожники, вроде как люди благородные и с целью впереди? У, натюрлих, тут Хаунд ни в чем не сомневался. Продают тут кого? Самых, мать его, настоящих мутантов. Они же не люди, отбросы, выродки, выблядки и просто ублюдки. Генный мусор, отрыжка больного мира и блевотина взбесившейся природы. Так что все честно, чинно и благородно. Людей-то тут и не продают. Своих, в смысле, людишек, хорошо знакомых. А вон тот парнишка, годков семнадцати, стоящий у стеночки? Явных признаков мутации нет? Так то явных, что вы…

Живой товар, отделенный от настоящих животных выгородкой, кучковался, сбиваемый надсмотрщиками. Не провинившихся толком и не били, так, учили уму-разуму палками, обтянутыми толстой кожей.

Горожан и приезжих в депо хватало. Понятно, хозяйства сейчас растут, надо думать о зиме, когда лишние рты кормить вроде бы невыгодно, но работы им хватит по уши. Представлять, как придется беднягам в местной лесостепи, продуваемой насквозь, в хлевах, саманных лачугах, убирая снег, таская воду с реки, день за днем кормящих, чистящих, убирающих за скотом, мастерящих всяко-разно необходимое, дубящих голыми руками склизкие кожи, мездрящих шкурки зверья, приносимого хозяевами-охотниками? Тяжело. А еще ведь, это точно, искать, собирать, рубить, пилить, колоть, сушить, таскать и раскладывать по многометровым поленницам дрова, отыскивать за оставшиеся бесснежные месяцы сухие лепешки кизяков, дерьма от скотины, что им перепадет на протопку собственных берлог, конопатить все щели хозяйских домов и построек, да свои хибарки… Хаунд не завидовал такому и раньше, а сейчас даже думать не хотел.

В дальнем углу для профессионалов по продажам живой рабочей силы виднелись удобства для отдыха и деловых переговоров. Сколоченные из досок столы, несколько лавок, жаровни для мяса и полка с бухлом. Отдых другого типа, надо полагать, работорговцев особо не интересовал. А деловые переговоры, судя по всему, плавно перетекали в него же, в релакс и все такое. Несколько ярко накрашенных и мало одетых неаппетитных шлюх это правило только подтверждали, выжидая работу невдалеке.

Из пяти мест оказались заняты три. То самое, с куртизанками, лениво потягивающими брагу, и два с серьезными людьми. Кряжистые бородачи, одетые в домотканое, и обутые в явно купленные на рынке новые сапоги, уставились на Хаунда взглядами хозяйки, выбирающей курицу для супа. Пятеро же разномастных ребят в определенно сталкерском обвесе внимания на подходящих не обратили. Совсем, натюрлих.

В отличие от свинорылого и дебилушки, так и поедающих камуфлированно-обвешанные фигуры голодными глазами. Ну что же, подумалось Хаунду, плюсы пока превалируют. Идти к бородачам, неуловимо напоминающим ему староверов, вроде как крепко обосновавшихся в районе Борского, особо не хотелось. От мужиков так и тянуло суровой и беспощадной основательностью вкупе с тяжелыми характерами да превентивными способами решения возможных проблем.

И над всей этой благодатью царила растянутая вывеска из кумача, украшенная самой, шайссе, тупейшей надписью-названием из всех виденных. «Радость дровосека». Идиоты.

– Здравствуй, Кот! – Спирин, надувшись индюком, одновременно переминался с ноги на ногу, потешно и мерзко. Так себе фраерок, набивающий цену перед серьезным человеком. – Я Спирин.

Одна из спин, утянутая ремнями обвеса и натовским камуфляжем, не особо новыми, чиненими, но добротными, выпрямилась, отбросив карты. И повернулась.

– Ба-а-а, вы смотрите, кого нам тут принесло…

Среднего роста, крепкий, кажущийся полноватым, с мягким и добрым лицом, круглыми смешливыми глазами. Гладко выбритый и даже пахнущий чем-то освежающим, перебивающим родные ароматы. Натуральный Кот. И глаза, кошачьи-зеленые, сейчас внимательно уставились на Хаунда. А тому, несмотря на намордник, жутко захотелось совершенно по-собачьи оскалиться, йа.

– Кого нам принесли, вернее. – Кот расплылся в улыбке. – Здорово, неудачники. Ну рассказывайте, за каким хером мне пришлось отложить выход каравана на завтра? Что за калечный организм вы мне тут притащили, олухи?

– Чего сразу калечный-то? – возмутился дебилоид Пантыкин. – Да у него всего по полпальца не хватает!

– Ух ты, блядь, радость-то какая, честное слово… – протянул Кот. – Щас зарыдаю от видимых вдалеке перспектив. Вот знаете ли, господа, именно такой птичник нужен одной приличной вдовушке у Подбельска. Чтоб, понимаешь, с коломенскую версту ростом, в плечах, сука, косая сажень, бородища до пупа, весь такой зверовидный внешне и добрый внутри, прям такой нежно-мягкий, что твое свежевзбитое масло, да?

– Кот, – кашлянул Спирин, – не знали мы, что он раненый окажется. Санконтроль не пропустил, вернее, типа, это, как его…

– Типа ты как увидал его ущербность да унюхал, что мяско гниет, решил избавить меня от проблем… угу. Помог то есть, правильно понимаю?

– Э-э-э… да.

– Ебать-колотить, вы гении, ребятки. – Кот хохотнул. – Видали, братва?

Братва, тяжело молчавшая все время, согласно кивнула, поиграв желваками и похрустев костяшками. Хаунд, тоже гоготнув про себя, так и ощутил настрой Спирина с коллегой, явно ощущающих наступление момента, когда их станут бить. И вероятнее всего, ногами.

– Лады! – Кот шлепнул себя по колену. – Антоныч, свидетелем будешь, что они мне коцаный товар пытаются толкнуть?

Рыже-лампасный распорядитель торгов согласно кивнул, опрокинув стакан и захрустев квашеной капустой.

– Намордник снимите, бездари.

Хаунд сплюнул под ноги сразу, как удила освободили рот. И почти попал на добротные «кормораны» Кота. Тот не поморщился, удивленно уставившись на него.

– Ты кто, родной?

Хаунд, облизав пересохшие губы, оскалил зубы. Братва, перестав бычить, потянула наружу стволы.

– Я Пес.

– Да ну?! – поразился Кот. – Не слышал про тебя. А я Кот, прикинь.

– Ну, пиздец теперь, чо… Я о тебе тоже не слышал.

– Явно охуевший тип. – Кот хохотнул. – Хорошо. Драться умеешь, инвалид?

Хаунд оскалился опять, стараясь не обращать внимания на пульс в висках. Накопившаяся злоба давила изнутри алой упругой силой, желала не стоять и пытаться не провоцировать. Злоба звала забрать побольше и укотрупить пострашнее, залив все вокруг кровью хотя бы парочки ублюдков перед смертью.

– А ты железки сними, там и посмотрим. Не зассышь, родной?

– Он мне нравится. – Кот кивнул мыслям. – Беру, беру, мать твою, лохматый. Костя, рассчитайся.

Спирин спохватился, успев дать подзатыльник открывшему пасть Пантыкину.

– Так это самое…

– Ну, чего еще? – Кот удивленно уставился на него.

– Мы ж о цене не договорились.

– Чего ж ты такой нудный-то, а, земляк? Притащил не кондицию, необученную злобную тварь, и какие-то права еще качать вздумал?

– Отлучу гниду! – пожаловался в пустоту перед собой не прекращавший жевать капусту и не смахивающий остро пахнущие лохмотья с рыжей щетины

Антоныч. – Слышал, Спирин, месяц сюда появляться не будешь, до самых дождей. Жри чо хочешь и печку топи хоть коровьим говном.

– Антоныч, да я!

– Да иди ты, Спирин в пиз…

– Тихо-тихо, Антоныч! – Кот похлопал распорядителя по плечу. – Не горячись. Парни тебе отбашляют, договоришься. Костя, рассчитайся золотом с нашими отважными охотниками за головами. Эдакую зверюгу привести – не каждый сможет.

– Точно, – расплылся дебилушка Пантыкин. – Мы это, ну…

– Герои, чо уж. – Кот налил в кружку, махнул и занюхал рукавом. – Костя?!

– Считаю, – буркнул тощий и сивый из братвы. – Семь штук, двадцать коронок получается. На, Спирин, держи.

Спирин, глядя на стукнувшее по столу, сглотнул. Хаунд, скалясь, откровенно глумливо гоготнул.

– Эт чо? – Свинорылый оторвал глаза от досок и лежащей на них платы. – Это ж…

– Это, мать твою, золото! – рявкнул наконец-то разозлившийся Кот. – Нехеровое такое золото, используемое еще лет за двадцать до войны стоматологами. Не окислившееся, чистое, натрешь, так хоть брейся в них.

Спирин, рассматривая валявшиеся на столешнице старые зубные мосты, все сглатывал и сглатывал. Кот, морщась, покопался в подсумке и кинул блистер с уже невидимой надписью.

– Да хер с тобой, золотая рыбка, бери еще антибиотики. И вали отсюда. Или забирай свое чувырло и все равно вали. Ну, чего выбираешь?

Чуть позже, когда Хаунду примеряли новый ошейник, Пес неожиданно понял, что список необходимых убийств, так нужных в последующем для возмещения морального ущерба, пополнился еще и распорядителем, рыжим Антонычем. Эта сука для порядка и приучения к нему на правах блюстителя дисциплины приказал всыпать ему тридцатник горячих, заработав плевок Хаунда на носок сапога. Били те самые крепыши с палками, обтянутыми кожей.

А это, чего тут спорить, тянуло на сложные и множественные переломы. Конечностей и прочего опорно-двигательного Антонычевского аппарата, само собой. Пусть и не скоро. Пока не скоро.

Дорога ярости 3

Байки ревели по бокам и сзади. Три штуки эндуро и одна, сурово-громоздкая как линкор «Тирпиц», колясочная халабуда. Не скоростная, неповоротливая, да… зато с пулеметом в люльке.

– Сука!

Зуб ударил ладонями по рулю. От злости на все вокруг и на себя в первую очередь вскипал мозг. А так нельзя.

– Да и хер с вами.

«Ласточка», темнея черно-серыми бортами, рыкнула, стараясь уйти вперед. Надо, братишка, гони!

Братья, грохоча своими железными стрекозами, старательно нагоняли. Пулеметчик пока молчал, экономил патроны, чтобы наверняка. Обманываться не стоило, подпусти его на дистанцию выстрела, ПК свое дело сделает, нащупает слабое место в наваренной и прикрученной броне, прошьет насквозь и нашпигует Зуба свинцом.

Зазвенел правый борт. Пробный шар, ударили зарядом из обреза, это у Братьев самая любимая хрень в последнее время. С бензином стало лучше, с патриками хуже, просто так из ниоткуда припасы для автоматического не возьмешь. Вот и

вооружились обрезами, приделав тем рамки на предплечья, чтобы отдачей в сторону не уводило.

Данг! Теперь слева.

Зуб гнал не на всей скорости, мотор не насиловал, ему еще добираться и добираться. Только все же стоило решить проблему… Особенно до появления сзади «волков».

«Ласточка» дуром перла по Москве, разогнавшись на спуске перед аквапарком. Эндуро Братьев притормаживали, стараясь не сорваться в пике у конца спуска.

Справа мелькнул перекресток, кое-как выжившие и вымахавшие редкие корабельные сосны, серый короб аквапарка, мертвый, с пустыми прямоугольниками вместо стекол, перешедший в «Московский». Вернее, его огрызки, высившиеся похоронными курганами над парковкой, с вросшими в грязное и двадцать лет выпадавшее-высыхавшее месиво из снега, нанесенной хвои, листьев и осколков самого торгового центра.

Эндуро справа начал догонять, желая зацепиться за самую жопу «девятки» Зуба. Опасался, видя нарост фосфорных зарядов на дверке. Зуб оскалился, грустя о невозможности выстрелить ими назад. Притопил, снова увеличивая расстояние, глянул на уровень горючки. Четверть основного бака спалил, выбираясь из города, уходя от смерти в бункере.

Братья не сдавались. После мелькнувших справа чуть желто-синих корпусов Метро начиналась их родная жопная грязь. Закисшие овраги вдоль трассы, захватив кусок района Мехзавод, выползали на последние километры Московского шоссе, засохшие за лето и недавно снова подразмытые неожиданно-локальным ливнем.

«Ласточку» ощутимо повело на подъеме, бросая в стороны. Эндуро гнали справа и слева, выигрывая метры и подбираясь ближе. Где-то чуть дальше, ненадолго отстав, прилипчиво и упорно шел мотокатамаран, пока молчавший и экономящий патронную ленту.

– Давай! – заорал Зуб. – Дав-а-а-ай!

«Ласточка», вдруг едва не замолчав, дробно стукнула движком, загудела, разбрасывая склизкие ошметки, и пошла юзом, дергаясь как паралитик. Эндуро почти радостно взревели, подобравшись совсем близко.

Зуб, сбросив передачу, газанул. Вцепился в руль почти до боли в пальцах. Машина, опробованная летом, пока не подводила. Только он ее так и не убивал, ни разу. «Ласточка», чихая глушаком, вдруг дернулась вперед, отыграв зараз не меньше корпуса.

– Да, девочка, да-а-а!

И, врубив последнюю, рванул с места, разбрызгивая жирные ошметки. Машина выручила, теперь его очередь. А как? Это он понял. Надо оторваться.

«Ласточка», освободившись от подъема, пошла ходко, прижимаясь и мягко ухая на выбоинах. Пружины они усилили вместе с рамой, но так долго на пределе возможности Зуб еще не гонял. Осталось только надеяться на саму машину и талант Кулибина.

Снова жестко стегануло справа, отозвавшись эхом внутри. Зуб скалился, выжимая максимум и видя впереди, между микрашей из хрущевок со сталинками, такой нужный перекресток. Пролетел между двумя огромными змеями фур, перевозившими в длинных прицепах гравий с песком, нырнул вбок, на миллиметраже обогнув совершенно дико смотрящийся сейчас автотранспортер, когда-то забитый крохотными малолитражками.

Эндуро пытались догнать, но пока не справлялись. Подберись они к нему сразу за подъемом, так все, приплыл бы Зуб. Но Братья решили взять дистанцию с флангов и прижать его, подставляя под пулемет. На том и попались.

«Девятка» добралась до перекрестка одним рывком. Зуб, уже держа ручник, выжав на себя, крутанул руль, разворачиваясь к Братьям правым бортом. Лишь бы удержаться и не перевернуться, лишь бы…

Все вышло. И он, перегнувшись назад, дернул трос, поднимая врезанный лючок. Двое Братьев, почти съехавшихся для совместного залпа, начали поворот; третий, летящий левее, заложил вираж.

Кулибин, крутя в руках как-то притащенное Зубом страшилище, выругался, потом еще и еще немного. Отремонтировать перезарядку четырехствольного «Моссберга», попавшегося в руки «юного мародера», он так и не сумел. А вот сделать возможным единый залп из всех его стволов – это запросто. Достаточно потянуть еще один трос, приводя адскую машинку в действие. Как сейчас, например.

Чудовище шарахнуло картечью. Да не просто самопальной, а от мастера на все руки, да такой, что крушит и кромсает все на пути. Вот как сейчас, распотрошив двух байкеров к чертовой матери, а третьего, пойманного на конце виража, заставив врубиться в упавший наполовину столб, сложивший ездока пополам вместе с эндуро.

Зуб выдохнул, глядя в крохотное пространство лючка, и вслушался, пытаясь понять – где пулеметчик? Не понял из-за странно идущего звука двигателя, трещавшего где-то неподалеку. Выпрямился, сдавая задом, и уставился носом на подъем, ожидая увидеть падлу и встретить выстрелами одного из двух имеющихся магазинов к АК.

Выругался, торопливо начиная поворот и злясь на самого себя. Сука, дурень тупой!

Люльку Братья умудрились прицепить к невесть где найденной «Яве», тщательно сохранив ее хром и вишневые переливы эмали. Саму люльку выкрасили в красный, такой, что аж глаза ел. Явно из-за дурацкого выпендрежа и все такое. Да еще и украсили ее шестами с черепами и скальпами. Мол, смотрите и пугайтесь нас, мы Братья Ветра, нам на всех и все накласть с прибором. Ну да, типа того. Сейчас им точно положат сверху. Большой, сука, и толстый. Хватит на полную катушку.

Раскидав в стороны скелеты двух «калин», догоняя мотоцикл, где отчаянно пытались отстреляться, лишь сверкая рикошетами по отбойнику, на вишнево-алое, ревя движком, накатывал «волк», переделанный из китайца. Они снова догнали. Почти.

Зуб рванул с места ровно в тот самый момент, когда зеркало отразило брызги всех оттенков красного, смешавшегося с вишней, алым, хромом и разлетающимися черепами.

Глава четвертая. Воспоминание о недавнем прошлом

Идя неизвестным путем – не торопись

Песни Койота

Дневной переход делили на два. Начинали через час после восхода, лежка, сушка и отдых в полдень, час на все нужное, пожрать-посрать и задрать ноги выше, пролежав дополнительные полчаса. После выхода Венеры, пастушьей звезды, караванщики останавливались, разбивая лагерь, выставив дозорных или наемников сторожить, ели, проверяли и перетягивали груз, спали, и с серым утренним небом все снова.

В час человек проходит в среднем пять километров. Проходил, по асфальту городов, проселкам и шоссе. В Беду, жравшую детей человеческих с такой же скоростью, как раньше слупливали ведро попкорна в кино, ходить пришлось учиться заново. И не в удобной обуви, за-ради здоровья и хорошей формы, с водой из магазина или колонок по пути, хрена. Теперь жизнь диктовала новое. А уж караванщикам, так тем более.

По остаткам федеральных и региональных трасс, что в начале, что сейчас, всегда пытались двигаться на транспорте. На лошадях, быках, тянувших повозки и фургоны, давно ставшие почти крепостцами, как двести лет назад в Великом Треке на Запад там, за океаном. Объединялись в настоящие караваны, держались проложенных путей, сереющих умирающим асфальтом и белеющих остатками гравийной подушки. Из десяти таких «ленточек» до цели добиралась одна.

Кости остальных неудачников, сметенных стаями зверья, мутировавшего и относительно нормального, бандами людей, изменившихся с Войны, и оставшиеся практически нетронутыми ветрами, снегами, аномалиями самой природы и радиацией вместе с бродячими химическими ловушками-облаками, валялись там и тут вдоль дороги.

Умельцы, теоретики и практики, пытались создать двигатели на чем угодно, включая водород, получаемый из воды или на горючих смесях, соединяя вместе спирт, остатки ГСМ и даже боеприпасов. Некоторые, мечтая о сухопутных броненосцах, верили в возвращение паровых машин. Но чаще всего все попытки заканчивались просто.

Взрывом. Пожаром. Потерей управления и свернутыми набок шеями.

Чуть позже вернулось топливо. С ними вернулись и охотники за торгашами. Только круче, смертоноснее и опаснее. Так что караванщики, на своих двоих проходившие нехожеными тропами, тайными и одним им ведомыми трактами, пробиравшиеся через самую задницу, где только звери и воющий ветер, все так же оставались в цене.

А проходить в час те же пять километров давно стало невыгодно. Семь, стандарт, если не в грязь или снег. С грузом, весящим, если все нормально, половину собственного веса. С запасом воды в двух флягах, топором или тесаком на поясе, с пятью сухарями или двумя пачками галет, парой банок консервов, магазином патронов или полным патронташем, если не было автоматического оружия. С палкой-посохом, на конце блестящим в редких солнечных лучах неровным, но всегда остро заточенным наконечником.

Караванщиков уважали, ценили, боялись и ненавидели. Трепались, мол, могли те увести с собой, в дорогу, кого захочется. Звездели – мол, Дорога для них давно заменяет не то что Отца-Сына-Духа, но и родных с близкими. Вышел на нее, прошел туда-сюда с пяток раз, все, душа караванного заражалась и каюк, был человек, стал перекати-поле. А с такими связываться – себе хуже делать.

Много чего, в общем, несли. В основном, само собой, конченую пургу и самый натуральный словесный понос, натюрлих. На деле все, как и обычно, оказывалось иным. Без всякой там сраной романтики.

– Выходим завтра. – Кот, стоя перед строем собственного стада, не улыбался. – За вас, голожопые, мы с товарищами заплатили проезд отсюда и до Георгиевки. Побережете ножки, отработаете скорым ходом. Через Кротовку, Отрадный и дальше, в Бугуруслан. Оплата, само собой, сдельная. Десять кило груза – пять патронов за двадцать километров. Еда, два раза в день, за наш кошт. Зверье, у вас цена проще, ваши же сраные жизни. Все меня поняли?

Нанятая голытьба, подрядившаяся идти с Котом до Бугуруслана, тихонько заворчала, но перечить не спешила. «Зверье», стоявшее слева, само собой, молчало. Когда звякает цепь на шее, не больно-то попиздишь.

Купленных душ у Кота, считая Хаунда, с собой оказался добрый десяток. Двойняшки, мальчишка с девчонкой лет четырнадцати, с уловимым уродством, что не спрячешь – родимыми пятнами почти на все лицо. Две девки лет по двадцать пять, крепко-деревенские, широкоплечие и мужикастые. Что в них нашли мутировавшего, кроме сисек размера пятого-шестого, Хаунд так и не понял. Тонкий худой черныш в заношенном вертолетном комбезе, с волосами, заплетенными в косу и странноватыми наростами на лице. Трое обычных мужиков непонятного возраста, явно живших в одном месте, если судить по опухолям на лице, накрывавшим кому что. Красивая баба под сорок, поджарая, задастая как лошадка, со светлыми волосами, обрезанными сейчас почти под корень. Вот, собственно, и все.

Нанятых оказалось столько же. В общем, ровно под двадцать некислых и туго набитых баулов, с лямками и ремнями поперек груди, ждущих своих верблюдов. Пятерка компаньонов Кота смотрела на выстроившиеся две шеренги как на говно и не вмешивалась в разговоры шефа.

– А теперь отбой. По загонам.

Вольные залопотали, явно желая провести вечерок с ночкой «как следует».

– Хлебальники завалили! – мягко и ласково попросил Кот. – Ясно?

Вольные, уже сбившиеся в кучу, косились то на него, то на «братву», явно забившую на них и о чем-то треплящуюся, и смелели на глазах. Голытьба голытьбой, но покрутило в жизни каждого, такие затыкаются только после хорошей трепки. А Кот, при всем своем крутом обвесе, сам-то крутым не казался. Типа, можно и права покачать.

Хаунд, наблюдая начавшуюся комедию, довольно морщился, искреннее жаждав мордобоя с кровищей. Ему-то Кот совершенно не казался добрым-хорошим рубахой-парнем. Не бывает сейчас такого, чтобы успешный караванщик делал работу уговорами и компромиссами с консенсусами. Странно, что это же не понимали вольнонаемные во главе с выделяющимся поджарым парнягой чуть за

двадцать.

Этот-то, одетый пока вполне добротно и, совершенно точно, недавно крутившийся среди местных авторитетов, воду и мутил. Почему крутился среди авторитетов? Мужиков и пару затесавшихся теток жизнь явно жевала вместе с видавшими виды одежонкой с обувкой. А юный храбрец, подбивающий компаньонов на корабельный бунт, разве что чуть заляпал в грязи новехонький летный комбинезон, да ботинки оказались недавно чинеными, в отличие от дерьмища на ногах соседей. Ну и въевшаяся манера руководить, нагловатое поведение и все остальное. Включая уже подживший бланш на пол рожи, ни разу не худой и почти лоснящейся. Ляпнул чего не то, скрысятничал, подставил кого круче, вот и дали пинка под жопу. Да еще небось дали срок загладить вину или свалить с Кинеля. Такому куда податься?

Только в город или в ходоки при караванах. Раз нанялся тащить добро на горбу, то косяк связан с городскими, и туда ему путь заказан. Не дурак, наверное, но и не шибко умный, йа. Щас еще и докажет эту нехитрую и наспех сляпанную теорию. Прям вот сейчас.

Так и вышло.

– А чего, командир, так жестко-то? – Парняга насупился и явно не собирался отступать.

Хмурился-то явно из-за тычков в спину, не желая оказаться на первой роли и сейчас недовольный из-за этого. Ну, милок, умей за слова отвечать, особенно когда положиться не на кого.

– Жестко? – Кот расплылся в улыбке.

– Да, жестковато. – Парняга, все же чуток ощутивший поддержку от одобрительно нудящих вольнонаемных, смелел на глазах. – Идти хер пойми куда, людям надо, ну… в общем, напоследок отдохнуть, друзей с семьями повидать. Да и аванс не мешало бы выдать, оставить родным и все такое.

Хаунд чуть не хрюкнул от удовольствия, предвкушая скорое будущее и развязку. Чернявый собрат по цепи и та самая баба со светлыми волосами тоже с интересом смотрели спектакль. Остальные рабы, пока не подгоняемые

«братвой» Кота, сидели и молчали.

– Аванс, конечно, это верно. – Кот кивнул. – Только, землячок, ты про него что-то говорил? Неа. И я не говорил. Так что вопрос о передаче чего-то там заранее скорбящим родственникам считаю необоснованным. Отдыхать у вас всех времени было по самую сраку, иначе хрена вы бы нанялись мой товар нести, верно? Во-о-от, так что не хер тут на совесть давить. Сказал – по загонам, так разошлись. Кто чего не взял – не мои проблемы, предупреждали о явке к вечеру со всем нужным. А, да… если кому сейчас захочется выйти и ляпнуть, мол, шиш я пойду с Котом… так выходите.

Парняга напротив караванщика шага не сделал. Видно, нужно было ему смыться с Кинеля любым возможным способом. Двинулся вперед самый крепкий из мужиков, одноглазый суровый детина, заросший бородой по самые глаза, в заношенном тулупе, вонявшим скисшим потом, и армейских штанах-ватниках, заправленных в резиновые сапоги. Этому терять было нечего, нанялся явно, чтобы получить тот самый аванс и мотануть подальше, кинув Кота с командой. Тяжелый густой запах перегара только подтверждал выводы.

– Ты мня наибал! – пробулькало из бороды. – Нах пшол!

– Да ну?! – удивился Кот.

– Тчна грю!

– Обломишься, – Кот перестал улыбаться, – в строй встал.

– Убью, сука!

Хаунд не выдержал, гоготнул. Эт ты зря, дядя. И был прав.

Караванщик ударил правой, метя в ухо. Бородатый, вполне ожидаемо, пусть и пьяно, качнулся назад. Как и думалось Коту. Да и Хаунду тоже. И он снова не ошибся.

Левая рука Кота взорвалась неожиданным ударом в печень, заставив бородатого тяжело охнуть и согнуться. Правая прилетела в то самое ухо, заставив

схватиться за него, а левой караванщик добавил, ловко и незаметно сместившись в сторону, впечатав кулак в пах пьяной рванины. Тот охнул еще громче, упал на карачки, заработал локтем промеж лопаток, крикнул что-то несвязное, падая рожей в грязь, и блеванул. Только Кот не остановился.

Оказался сзади и размашисто, хлестко и неумолимо шарахнул по два раза кулаками в бока бородатого. Тот ойкнул и свернулся, как эмбрион в утробе. Запахло еще хуже.

– Кабзда селезенке, – прокомментировал Хаунд. – И почкам с печенью. Ща окочурится.

– Ебать-колотить, какие мы умные, – хмыкнул совершенно не запыхавшийся Кот. – И смелые. Я тебе рот разрешал открывать, тело?

– Неа. – Хаунд отступил, глядя на братву, не мудрствуя лукаво вытащившую стволы.

– Вот, сука, и заткнись. Зубы вышибу. Так…

Кот повернулся к наемным.

– На ходку со мной, падлы, все подписались? Все, Антоныч свидетелем выступал. Ведущий караван, на время похода, вам царь и Бог. Ведущий кто?

Наемные молчали, глядя на вздрагивающего бородатого.

– Молчите, ухри? Я старший, я ведущий, я, мать вашу, теперь вам вместо батьки и Господа Бога с ангелами да чертом. Сказал – оправиться, жрать да спать, так выполнили. Ясно? Молодцы, разошлись все, сказал. Костя, зверье в сортир, по сухарю и потом на цепь, спать. Большой, Сипа, с этим разберитесь.

Кот кивнул на уделанного мужика, явно не намекая на врачебную помощь.

Куда там того потащили, Хаунд не видел. Скорее всего – скинут где-то в свинарнике или типа того, а там как выйдет. Повезет – выкарабкается, нет – судьба такая, йа. Бухло вообще никогда до добра не доводит, а уж если на

улице Беда, так надо головой думать, а не только в нее есть.

Сухарь ему попался черный, каменный и воняющий плесенью. Но, размоченный в большом тазу с водой, поставленном на троих, вполне съедобный. Так и хрустел на зубах.

Хаунд, откинувшись на стенку, удерживающую цепь, смотрел на товарищей по свалившемуся повороту в судьбе. Он отыграл у этой суки еще один день и даже стал ближе к намеченному. Осталось разобраться с побегом и заняться нужным для возвращения в город делом.

– Ты-то как сюда попал, Пес?

Вопрос оказался тихим. Светловолосая, сидя рядом, казалась дремлющей, притворяясь так, что обманула всех вокруг. Хаунд не повелся сразу, слыша, как та дышит. Вот, оно как, значит… Фортуна, повернувшаяся жопой, решила исправиться и подкидывает шанс со стороны этой фифы? Раз знает, кто он, не выдала и заговорила, так есть с чего. Дас гут, йа.

– Ты кто?

– Аня.

– Хорошо. Меня откуда знаешь?

– Кто тебя не знает-то?

Чернявый, ковыряющийся в обуви, головы не поднимал. Хаунд, засопев, искоса глянул вокруг. Охренительно выходит, он тут, оказывается, звезда.

– Я Ерш. С Глинки, видел тебя пару раз на Кинапе. Когда ждал груза, я с реки.

Гут, тут понятно.

– Меня с Металла продали. Я пять лет там прожила, пока Карно под себя не подгреб. Устроил осмотры у врачей, ну и…

С этой тоже ясно.

– Это кто там пиздит?!

Голос прилетел от двери, закрывающей загон, устроенный на месте бывшего сортира. Охраняли надсмотрщики рынка, свежие и бодрые.

Хаунд мотнул головой и начал укладываться, стараясь удобнее разместить снова занывшую руку. Порошок ему выдали перед надетой на шею цепью, чуть полегчало, но обрубки ныли, куда там гнилым зубам.

Надо дождаться, пока все заснут, когда охрана станет ходить раз в полчаса, тогда и поговорить. Тогда…

– Подъем!

Поговорили…

Хаунд открыл глаза, уткнувшись взглядом в закутанную рваным бушлатом Анну. Та кивнула. Гутен морген, чего уж.

Утро даже не вползло еще внутрь загонов депо. Черная холодная хмарь, видневшаяся в открытой калитке ворот, дышала сырой ночью. Подняли караван явно до петухов, собираться и чапать к отправляющемуся составу. Тот выходил с рассветом, когда липкие утренние сумерки уже не мешали. Время деньги, двигаться нужно, зверье. Мутант хмыкнул, покосился на заскорузлые бинты. С вечера их не поменяли, то ли забыв, то ли оставив удовольствие на утро.

– Эй, обезьяна Бобик!

Кот щурился у загородки, облокотившись на нее.

– Сейчас будем перевязку делать. Дернешься – пожалеешь.

А то он сомневался.

Его вывели отдельно, дав справить нужду и посадив на колоду, воняющую рубленым мясом. Кот, зевающий и с парящей кружкой, уселся на такую же. Кивнул местному ветеринару, сильно пахнущему с самого утра ожеребившейся кобылой, щелкнул клапаном кобуры на бедре. Сзади на шею Хаунда опустилась палка охранника, вжалась, давая дышать, но не более.

– Пришел поглядеть – насколько ты крут, – поделился Кот. – С виду-то, так прямо оживший ужас моих детских страшилок во сне. Готов, Шарик?

– Как пионер, – буркнул Хаунд.

– Палочку в зубы не всунуть?

– Иди в жопу.

– Сука ты невежливая… – Кот отхлебнул, расстегнул карман разгрузки и достал готовую папиросину. – На, гнида, кури, глядишь, легче станет. Или не куришь?

– Об имуществе заботишься? – Хаунд сжал папиросу в зубах, дождался огонька и затянулся. – Молодец.

– Спасибо, стараюсь. Ты не в обиде, что купил тебя?

– Нет. Мне руку бинтовать будут или тебе просто пообщаться не с кем?

– Ты наглый. – Кот отхлебнул и кивнул ветеринару. – Давай. А ты сиди и не дергайся. У меня есть планы на тебя, чудовище. Будешь себя хорошо вести и слушаться дядю Кота, заработаешь. Немного денежков и мал-мала свободу.

Теплая вода, куда ветеринар положил правую руку Хаунда, успокаивала и обманывала. Дальше будет иначе. Дальше станет больно. Только вот хрена лысого покажет слабость ублюдкам, йа.

– И на кой ляд тебе нужен такой страшный тягловый ишак? – Хаунд подмигнул Коту. Дым от папиросы лез в глаза, так что подмигнуть тянуло неумолимо.

– Да ты не переживай. Сходишь одну ходку, в один конец. А там тебя ждет шикарное будущее, включающее даже бухло и баб. По праздникам и по результатам.

– О как…

Ножницы разрезали верхние слои обмоток, и Хаунд старательно не косился в ту сторону.

– Да, волосатый, отвечаю. Знаешь, что мне кажется?

– А ты крестишься, если кажется?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/manasypov_dmitriy/metro-2035-predannyy-pes

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить